

РУССКИЙ
ГУЛЛИБЕР

*При оформлении обложки использовался
триптих Иеронима Босха «Страшный суд»*

Издательский проект «Русский Гулливер»

Руководитель проекта – Вадим Месяц
Редактор поэтической серии – Андрей Тавров

Центр современной литературы

Дмитрий Силкан

Всенощные бдения Фауста.
Апокрифический список поэмы.
Русский Гулливер; Центр Современной Литературы.
Москва: 2010 – 160 с.

ISBN 978-5-91627-052-5

© Д.Силкан, стихи, 2010
© В.Месяц, предисловие, 2010
© Ю.Мамлеев, предисловие, 2010
© П. Калитин, предисловие, 2010
© О. Козарезова, предисловие, 2010
© Ю. Алейникова, оформление, 2010
© В. Красников, стихотворный постскриптум, 2010
© Центр Современной Литературы
© «Русский Гулливер», 2010

«Гулливер, Дон-Кихот, Фауст...»

Начиная наш проект, мы говорили о масштабности начинаний, исторических и мифотворческих полотнах, о возврате к фантазии и ощущении жизни как чуда. Гулливер (он часто похож на Дон Кихота) – герой детский, чистосердечный, доверчивый, ищущий, в чём-то даже смешной.

Немногие согласятся взять на себя эту уязвимую роль, занять позицию, изначально предполагающую насмешку фарисеев и книжников – ироническая фигура надёжней: модель поведения отработана, да и исполнение не требует особых душевных затрат.

Дмитрий Силкан на эти затраты идёт: бесстрашно, размашисто, весело. Расчёт на провокацию есть, но он какой-то слишком невинный, этот расчёт. На него можно и не обращать внимания, он на поверхности: автор обращается к опыту Мефистофеля, посланника Мрака. Играть – так по крупному! Масштаб – не является залогом победы, но в его всеохватности есть очарование. Такие вещи подкупают, добрые люди обращают на них внимание, злые ворчат.

Я не уверен, что умение себя правильно позиционировать, вставляя лыко в строку литературной ситуации, оправдано стратегически: на больших дистанциях побеждает безоглядность.

Капитан Лебядкин перед написанием «Пиесы Таракан» тоже хорошенько подумал: «Россия – игра природы, сударыня!» ...Лучше и не скажешь!

Эту убийственную формулировку можно применить и к стихам Силкана. Он ввязывается в авантюру с Фаустом с подростковой страстностью, не имитируя её, а, на мой взгляд, именно переживая от начала и до конца, – и эта его одержимость даёт возможность на время забыть о почти вековом скепсисе, окутавшем нашу культуру.

Свобода она для этого и существует, чтобы не спрашивать разрешения, а писать так, как считаешь нужным. Новые формы письма не отменяют старые, лишь дополняют.

И если мы чего то и достигли в смысле эволюции, расширив наши знания и умения через информационные технологии, то это – возможность играть. Со старыми стилями и темами, версиями и контекстами, с героями и народами. Лишь бы что-то было за душой!

А там, к счастью, что-то есть. И это не только литературный опыт.

...Мы можем не обращать на это внимания, не знать об этом, но история нашего народа прорастает в нас: языческие костры, кресты и колокола, византийские орлы, звёзды и свастики, смуты и восстания, расколы и объединения, бомбометания, гулаги...

И постоянный вопрос и выбор – как ты распорядишься своей бессмертной душой, каков смысл твоего существования? И неуничтожим этот дух – и держит в напряжении всех, кто попадает в его орбиту – и не сделать с этим ничего, так устроен русский мир, русский хаос.

...Одна американская славистка недавно пыталась доказать нам с Андреем Тавровым, что стихотворение Пушкина «Пророк» – сатанинское. Аргументированно. С цитатами из Библии. Спорить не стали. Зачем спорить? Это основы нашей культуры, отпечаток темперамента, архетип.

«И внял я неба содроганье и горний ангелов полёт». Такое вот стремление, судьба, участь...

Вадим Месяц,
*руководитель издательского
проекта «Русский Гулливер»*

* * *

Трагические стихи Дмитрия Силкана неразрывно связаны с «непостижимостью» личной смерти и с ощущением Бездны.

Это и есть, собственно, великая отправная точка: а дальше – кто куда.

В его стихах...характерен такой момент:

*«Снова – Счастье... Всё спокойно...
Жизнь опять свернулась в ленту.
Всё степенно... Всё достойно...
Смерть отсчитывает ренту...
Визги крыс подобострастных,
кайф сосущих алчным роем...
Только Дух познанья страстно
отмечает блажь покоя»*

Такой бунт против «Счастья» во имя броска в Великое Неизвестное – это очень и очень по-нашему.

Правда, счастье бывает не только «человеческое» (его-то всё-таки можно презреть), но и трансцендентное. Вот этакое «Счастье» (вечное по своей сути) презреть – такое уже явно по ту сторону и человеческого, и ангельского, (не говоря уже о «дьявольском», с его манией «власти» и «овладением» того, что космически пожирнее и послаще).

Вообще поэзия Силкана навевает мысли, отнюдь не относящиеся к сфере сытого метафизического благополучия.

Прочтите, к примеру, стих «Ночные молитвы Фауста». Комментировать его и не стоит – настолько там всё ясно выражено.

За такие стишки в давние времена на Западе фарисействующие прямёхонько отправляли на костёр (не задумываясь, правда, о том, какой костёр будет уготован им самим)...

Юрий Мамлеев,
Писатель, философ, драматург.

«Эсхатологическое комильфо Дмитрия Силкана»

В современной России давно уже появилась смыслокреативная когорта писателей, которую объединяет вовсе не некий единодушественный интерес с модной приправой той или иной местечковой партийности.

Нет, этих особенных авторов отличает вечно актуальное созидание = поиск, (как правило, традиционно-исконных значений и ценностей, причем в контексте наиболее глубокой мировой культуры: метафизики).

Да, уже в XX веке и прежде всего европейским народам пришлось усугублено и заново открывать самих себя в лице Э. Юнгера, О. Шпенглера, Ж. Батая или М. Хайдеггера.

Теперь пришёл черед пока свободной (от самой себя) России, и это «пока» – в ключевых руках Юрия Мамлеева и Тимура Зульфикарова, Владимира Гусева и Сергея Кургиняна, Сергея Сибирцева и Александра Проханова... Именно их отмыкающиеся тексты делают злободневными и животрепещущими, можно сказать, впрок закоренелые в нашей истории и – каждом нашем «Я» – проблемы смыслокреативного порядка, (с их антиномическим сопряжением изначальной и – постиндустриальной, постмодернистской обращенности в будущее: прошлое – России. В ее идентифицированное и безумно-истинное – «да-бытие!»)

Нельзя не подчеркнуть, что нынешние сорокалетние (увы, исчезнувшие из критических обзоров былого «сорокалетнего» Владимира Бондаренко) преимущественно тяготеют как раз к смыслокреативному попрису, и среди них сегодня знаменательно выделим Дмитрия Силкана (родившегося в 1966 году) – автора «Всенощных бдений Фауста».

Этот философско-художественный труд, в первую очередь, завораживает своей – по-пушкински! – аристократичной самодостаточностью (без привычного ныне – профанически-опрошенного, если не холуйски- уничижительного! – заискивания перед недалеким, но массовым и потому «рентабельным» читателем = покупателем).

На эпическом просторе «Всенощных бдений...» плодотворно сталкиваются и ратоборствуют классические смыслы Гёте, Байрона, Л.Н. Толстого, Ф. Ницше, Д.С. Мережковского, М.А. Булгакова, Ж. Батая, М. Хайдеггера и без преувеличения – всей! – апофатической тематики мировой культуры (от св. Иоанна Дамаскина, Мейстера Экхарта и до «тайны» К. Ясперса и Г. Марселя)...

И сегодняшний расползшийся (весомо и масс-культово) читатель «по-барски» рассердится – естественно, не на своё модное невежество, а на силкановскую «заумь» и выпренность! И поделом ему, обиженному – между кукишных пальцев – бесноватся...

Однако у автора «Всенощных бдений Фауста» – куда более значимые, «заслуженные» супостаты... которые (пусть, не по нулям, а полу-

образованно, но все ж таки: «элитарно» и «интеллектуально») презентациозны – и настолько, что беспредельно норовят монополизировать по своему чванству всю христианско-мистическую проблематику с ее заведомо не антропоцентрическим и не гуманным – по-интеллигентски! – блезиром.

Дмитрий Силкан как раз и убойно нацеливается на подобную абсолютизацию Божественных смыслов – (но не собственно догматических, соборных правил!) – тем самым адекватно лишая своих оппонентов не воцерковленно-мистериальной, а наоборот: самозваной в духе! – «жизни».

Жизни, с ее исключительно рациональным (и еретитствующим!) произволом, вплоть до антихристового «блаженства и спасения здесь-и-сейчас». И вплоть до «слишком человечески» понятой Христовой любви, как некой официозной... и «кесаревой» разновидности «единой» (и – гламурной!) политкорректности.

Учитывая столь «позитивный» соблазн «Божественного»: по себе! – автор не боится вслед за Гёте (отсюда и общее название поэмы) и М. А. Булгаковым (что менее акцентировано) – апеллировать к метафизическому и опять же не строго-догматическому опыту Мефистофеля (= Воланда). Делая его по-современному востребованным мечом для «интеллигентски-элитарной» (и по-свински самодовольной) твари с «обвисшим» (и – аж «мадонно») оправданным «сердцем», (по прекрасному определению Силкана).

Как видим, уже не только Бог, но и дьявол становится Провиденциальным бичом для гуманно-антропоцентрически заикленного на себе потомка Адама, который по-хамски оприходовал сегодня (по-фаустовски – трагические?!...нет, бери выше: прямо Небесные!...но лишь посмертно – блаженные и спасительные!) СМЫСЛЫ, превратив их в рукоблудную (прости, Господи!) «благодать». Или в «лучшем» случае – учинив оргию с той или иной, «по-христиански» к-рай-не любвиобильной профурсеткой...

И безумно-истинно (и вызывающе!) изничтожая – закостеневшие в своей скотско-элитарной «одухотворенности» и «заслуженности» – Ценности беспредельной не-до-росс-ль-скости, Дмитрий Силкан креативно возвращает им истинно-сущее Безмолвие самого Спасителя (в виде апофатически «пустого» Внебытия; в виде первозданно-оригинальной «Бездны» – нашего Я и не-Я).

Да сгинут, сгинут мертвецки-с-мир-енные с «тем здесь-и-сейчас» самообожествлением... и действительно новые (в этой «исключительно» потусторонней заклятости) грешники – в эсхатологическом (и актуальнейшем!) комильфо.

Пётр Калитин,
*член Президиума Московской городской организации
Союза писателей России,
доктор философии, профессор кафедры культурологии
Государственного университета управления (ГУУ)*

«Побеждён ли Фауст Мефистофелем?»

*(религиозная мифологема в поэме Дмитрия Силкана
«Всенощные бдения Фауста»).*

Представленная читателю поэма посвящена «вечной» проблеме богоискательства, нашедшей отражение в образе гётевского Фауста (явившегося, по словам известного философа начала XX века Льва Шестова, «первым интеллигентом, пытавшимся решить проблему человеческого бытия»).

Обращение к классике здесь не случайно, поскольку и у Гёте, и в современной вариации на первый план выходит гуманистическая философия, явившаяся символом эпохи Просвещения, с её религиозной идеей антропоцентризма. Тот же антропоцентризм найдёт своё продолжение в романтизме, в немецкой идеалистической философии, (начиная с Фихте и заканчивая Ницше и Штирнером). Современный неоромантизм, опять же, находя истоки в просветительском гуманизме, эту идею доведёт до своего логического конца. Точнее – до абсурда, выразившегося в «теории человекобога», (которая в наше время стала столь знаменательна и популярна, что затмила собой христианскую идею Богочеловека, «перевернув» христианство таким образом, что оно превратилось в свою противоположность, в антихристианство, где Бог превратился в диавола, а диавол – предстал богом, освободившим человека от уз «закона»).

Отметив сходство с вышеуказанными философами, (проводящими идею «чело­векобога» – как человека будущего, индивидуума нового типа), тем не менее, укажем и на одно существенное отличие: просветительский гуманизм Гёте с его верой в человека не предполагал ещё тогда абсолютизации человека. Ещё жива была вера в Бога, во Христа, несмотря на то, что уже тогда возникли ростки идей атеизма. Гётевский Фауст как раз и стремился показать несостоятельность таких идей, их изначальную абсурдность. Для Гёте и нужна была особая фантастическая атмосфера, как можно ярче высвечивающая существующую реальность. Нет, Гёте не стремился к описанию сверхчеловека, его цель состояла в том, чтобы показать реального человека, оказавшегося, как праведный Иов, перед выбором добра и зла. И как праведный Иов, Фауст, преодолев все препятствия – выбирает добро.

Чтобы яснее понять отличие гётевского Фауста от современной трактовки, необходимо обратиться к протолегенде, которая, как известно, возникла из раннесредневекового жития о святых мучениках Киприане и Иустине. Краткая канва

жития такова: Киприан, будучи язычником, был настолько искусен в волховании, т.е. колдовстве, что своими чудесами приобрёл большую популярность. Казалось, для него нет ничего невозможного: он мог повелевать стихиями, превращать неблагородные металлы в благородные, мог управлять людьми, их желаниями и мыслями.

Но вот однажды, повстречав юную девушку-христианку, так пленился её красотой, что пожелал ей овладеть. Но на его страсть благочестивая дева ответила отказом. Тогда, уязвленный гордостью, Киприан решает прибегнуть к волхованию. Но вера девушки была настолько сильна, что колдовство оказалось бессильным.

Призвав к себе духов тьмы, Киприан повелевает им совратить Иустину. Но и духи оказались бессильны, и тогда раздасованный Киприан взывает к самому князю мира – дьяволу... Однако история заканчивается тем, что разочаровавшись в волховании, Киприан приходит к Христу и становится христианином. Вместе с Иустиной он принимает мученическую смерть...

Постепенно история о Киприане превратилась в легенду о докторе Фаусте, который в позднесредневековых легендах, в немецких фавлю становится уже не волхвом, а алхимиком и философом, (соответственно моде того времени).

Смысл истории также несколько меняется — Фауст оказывается гордецом, занимающимся чернокнижием, а не влюблённым юношей, за что и терпит наказание: его душа попадает в ад. Мораль истории такова, что знание — ещё не источник мудрости, и дьявол, как князь мира сего, хотя и может управлять стихиями, но высшая мудрость ему не доступна. Мудрость божественная невозможна без любви, а любовь невысказана без смирения.

Знаком нашего времени становится оторванность от Бога — абсолютная автономия, «Я» возведённое в абсолют — именно этим гордится человек, именно это «Я» становится его кумиром и идолом. Отсюда побеждает Мефистофель: человек, утративший Бога — перестаёт быть человеком, автономное сознание разрушается, будучи заключённым в замок собственных иллюзий. Наш Фауст устремляется в миры иные, он ищет иное бытие, не соприкасающееся с реальностью — убогой, беспросветной и «уньлой». Против этого «сытого покоя» бунтует Мефистофель, даруя своему герою мечту о неведомых даях... Но кто сказал, что христианство стремится к сытости и проповедует «о райских куцах, в руках заветы теребя?». Напротив, заветы и были даны на горнем месте, чтобы от скотоподобия человек пришёл к бо-

гоподобию: «Горе имеем сердца». Не об этом ли говорил Гёте, обращаясь к житию святого Киприана, что «мудрость горною познал»? Нет, Фауст Гёте не привязывается к миру, ведь «Остановись мгновенье, ты прекрасно» – являлось той ловушкой, в которую и хотел поймать его Мефисто. «Остановись мгновенье – вот мир у твоих ног, его богатство и разнообразие, пленись хотя бы на момент, на миг...» – и ты погиб! Но Фауст победил, сохранил дыхание юности – не вкусившей соблазн греха, юности наивной и чистой любви. Об этой любви и свидетельствуют евангельские заповеди блаженства, этой любовью и побеждается Сатана. Слова «Остановись мгновенье, ты прекрасно» – приобретают совершенно другой смысл, своё истинное значение: любовью побеждается зло и упраздняется царство антихриста.

Если разбить «магическое зеркало», искажающее смысл, то в поэме можно увидеть это стремление к гётевскому идеалу любви – любви не чувственной, а целомудренной; не эгоистической, а жертвенной. Для этого необходимо снять маску и посмотреть на мир открытыми глазами. Нет, Фауст не является случайным персонажем – мы видим то стремление к прекрасной ясности, которое встречаем в христианстве.

Автор в чём-то подобен Киприану, который ещё не обрел Христа, но уже разочаровался в обманчивой силе мефистофельского зеркала. Увы, в современном мире, Мефистофель, в отличие от гётевского Фауста, подменив понятия, оказался победителем! Отрекшись от «старых догм», «глупых религиозных обрядов», отрекшись от «никому не нужного Христа» и Церкви, человечество утратило главное – свободу, которая невозможна без Богочеловечества Христа, без Распятия и Воскресения.

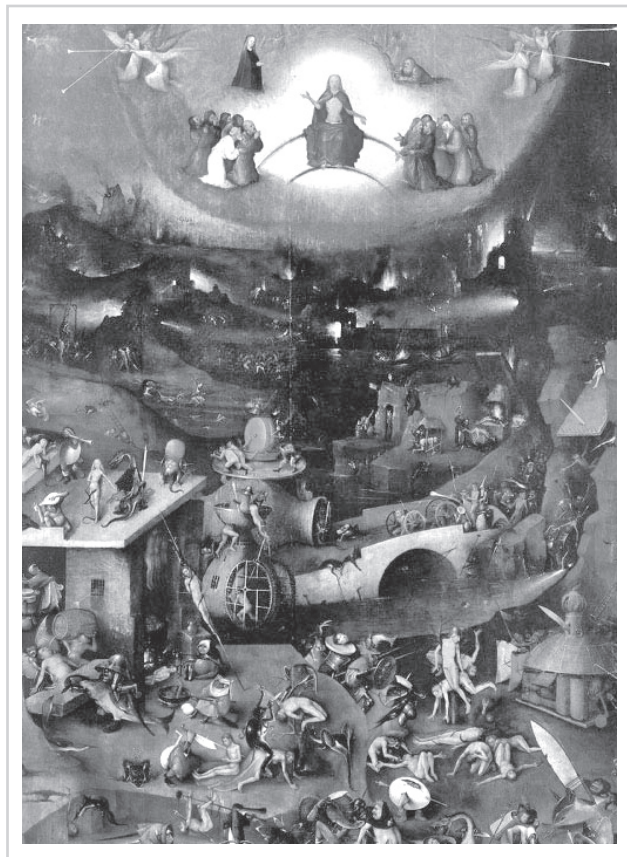
Увлекаясь «игрой бесконечности», человек отказался от Вечности и тем самым, «остановив мгновение», похоронил себя заживо. Затворились врата пещеры, захлопнулась крышка гроба – Воскресения не состоялось. Нет Бога, Бог умер.

А впереди – Ничто, зияющая бездна, манящая и пугающая одновременно, завораживающая душу, влекущая в «небывалое», где подобно ледяному замку Снежной королевы, предлагается хитроумная головоломка, собрать которую пытается утративший веру Фауст...

Ольга Козарезова,

*член Союза литераторов России, бакалавр богословия,
кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Российского государственного гуманитарного университета*

Дмитрий Силкан

ВСЕМОЩНЫЕ БДЕНИЯ СЮАУСТА

(Апокрифический список поэмы)

*«...и бесы знают, что Бог един
– и трепещут...»*

«НАЧАЛО»

*«...Мудрость... проповедуем между
совершенными, но... не века сего...
но проповедуем премудрость Божию,
тайную, сокровенную...»*

Во влажной пустоте родился пульс, биенье...
Незримая печать на Замысел легла:
частичка бытия, рапсодия нетленья
сквозь вязкость вечных форм материю вела...
Разбрасываясь вширь, свет заплетая в нити,
она росла в тиши, не ведая себя...
Но время взорвалось, и, в сладостном наитии
вдруг осознав Закон, пробилась полынья,
что в толще мёрзлых вод *жизнь* вымолила мыслью...
И вторгся в нежный мрак Огня небес росток –
неведомый цветок, что тайным налит смыслом:
стал воплощаться в мир, выбрасывать листок,
стремясь найти себя во влажной тёплой хляби,
что приняла его, как благостную весть...
И ничего теперь рост этот не ослабит,
раз Бездна вобрала Огонь – таким, как есть...

И разрастаясь вширь, пространство вдаль объемя,
вдруг ощутив себя пленённым в пустоте —
он устремится вниз, позывав древним внемля,
стремясь явить Чертёж на чистовом листе...

Здесь древний тайный рок не умалить злодейством:
Сокрытое во Тьме — проявится сквозь боль!

Сквозь кровь и жаркий стон

Великим тайнодейством
пред небом предстаёт создание, чью роль
не ведаёт никто во всех мирах вселенной...

Запретный новый луч ворвался в бытиё,
как тайна вечных тайн, зов Бездны вдохновенный!

И недостоин встать бог пред лицом Его!..

Воспламятся вмиг заоблачные дали
и сонм незримых сил в испуге замолчит...

Родился Человек — любимец мирозданья,
что в сердце затаил от Истины ключи!

«РАЗМЫШЛЕНИЯ ФАУСТА»

*« И кто захочет душу свою спасти –
тот её потеряет...»*

Ревущее пламя безликой пустыни
вплавляет в песок смертоносную тишь...
И время разверзлось – теперь и отныне
в оковах земли Ты, Спаситель, скорбишь...
Планета застыла в немом ожидании:
что фатум небесный принёс в *этом раз?*
Ушедший от догмы, из храма – в изгнание,
Иисус не сомкнул свет дарующих глаз,
что в мир расцветут: кровью на плащанице,
даруя надежду на нечто ещё,
что мир не познал, ведь «в миру» — лишь частица
от Жизни вселенской! ...И грубым плащом
укутал Господь испытанье страданьем:
чтоб Солнце греха не сожгло эту плоть,
что будет низвергнута на поруганье,
распята... Но Дух чтоб сумел побороть
греховность желанья *избегнуть страданья*

и душу, что жаждет «взлететь в небеси»...
Распятьем чтоб смылось испуга стенанье:
«Ту чашу – Ты мимо меня пронеси!»

«БРАТЬЯ ВО КРЕСТЕ»

(Откровение, ниспосланное Фаусту)

*«...ибо открывается гнев Божий с неба
на всякое нечестие и неправду человеков,
подавляющих истину неправдою...»*

Великой жертвы бытия
зажжён был факел в Иудее
«Не я ли, равви? Ведь не я?» –
звучал вопрос... И всё быстрее
сжимала вереница дней
мистерии святой сценарий:
серебреники иудей
впрок приготовил; и динарий
отдал он кесарю, что чтил
богов, неумолимых в гневе...
И прокуратор кроной мнил

себя на Жизни божьем древе...
Все ждали только лишь сигнал,
чтоб роль свою сыграть послушно
никто свой путь ещё не знал,
в неведении простодушном...

И кто запустит Колесо,
кого же высший рок укажет?
Незрим, неслышим, невесом,
Дух горний выбирал, кто скажет:
«Пора! Я знаю, где Иисус...

Да будет, равви, божья воля!»

Но, кто же выдержит искус
отречься от тяжёлой доли
«предателя и подлеца» —
как назовут его убийцы,
распявшие в грехе Отца
под маской догмы пряча лица?

«Ту чашу мимо пронеси!

О, равви!» — стон с глухой тоскою...

Ну, а в ответ лишь: *«Не проси!*
Иди — и делай! Я — с тобою!
То крест твой будет!.. Я лишь день
унижен буду палачами —
и ляжет гневной воли тень
на мир людской, что пред очами
Всевышнего лежит во мгле
и в мерзкой страсти вождельня...
Но в Судный день, в святом огне
грядёт земное очищенье —
и да настанет Высший суд!
Да изольётся Чаша гнева
на мир греха! И не спасут
ханжей слащавые напевы,
что повторяют в суете,
с надеждой вымолить прощенье...
Явлюсь я в Силе, в Красоте —
и нечестивым дам отмщенье!
Сейчас же — должен пострадать

*Посланник, миром зла распятый.
И смертным — не дано познать
сей замысел... Невиноватый
взойдёт на крест — таков закон
людской толпы, что жаждет крови...
В злодействе будет обвинён
злодеями Сын божий... Снова
толпы беснующейся крик
вдруг перейдёт в оскал звериный,
покроет скорбь незримый лик
Всевышнего... И ты, невинный,
сей Жертвы крест прими со мной,
испей до дна вино страданий,
и сытой мудрости земной
отринь советы — в них незнание
Божественного бытия,
что в Вечности безмерной длится...
Взойдём на Крест — лишь ты, да Я!
И Факел жертвы возгорится!»*

«ВОДНАЯ ПРОГУЛКА ФАУСТА»

В тот ранний предрассветный час –

на лодке прочь от дома...

Не зная цель и в этот раз:

она мне незнакома...

Плыву – неведомо к чему:

«Что там, в краю далёком?»

Но... утро прожигает тьму

и, верный жизни срокам,

я устремляюсь вдаль – туда,

где солнца край мерцает

и где полночная звезда

в забвеньи угасает...

Качает лодку тихий плёс,

запели птицы ранние

и шум проснувшихся берёз –

как с ночью расставание...

И воскресает всё вокруг,
услышав гомон утренний ...
И свет с небес ворвался вдруг!
(А, может быть – он внутренний?)

Молюсь на возрожденье дня –
хоть сил уже на доньшке,
но всё плыву к рассвету я
на крохотном судёнышке...
И вдаль стремлюсь – туда, туда,
где горизонт отвесный...
Проходят дни... Идут года...
А я – *на том же месте!*..

«ТОМЛЕНИЕ ФАУСТА»

Над унылыми полями
дух безмолвья серебритя,
снег блестящими грядами
на земную гладь ложится

Воздух чист, но полон грусти
и тревоги затаённой
сердце полнится печалью
от любви неразделённой
Снег летит и что-то шепчет
о своей нелёгкой доле:
в жизни раз лишь ярко вспыхнет,
в звёздном небе чуя волю
Озарится он сияньем
от звезды полночной света,
и с предсмертным ожиданьем
упадёт на землю где-то
и вольётся в грязь сырую,
в чистом неземном свеченьи,
вспоминая жизнь иную:
звёзд далёких вдохновенье...
Так и я — пусть хоть мгновенье,
но хочу струиться светом,
в этом звёздном откровеньи

быть огня живым приветом,
а потом — ну что ж, согласен:
в грязь готов упасть навеки...
Но зато — тот миг прекрасен,
Миг сиянья в человеке!

«ТАЙНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ФАУСТА»

Унылый ночлег одинокой постели,
обмякшие руки, что жаждут тепла...
В сознании — мысли завязли, осели
на самое дно... И с утра до темна —
тоскливый прогон монотонных движений:
по схеме работает мозг-механизм...
А ночью — опять в душный склеп сновидений
(лишь **там, за Порогом** — свершается Жизнь,
и мир расцветает сиянием лунным,
где краски искрятся в изгибах души)
...Мерцают таинственно древние руны —

в обители грёз, в иномирной тиши,
что мрак застилает восторженным светом,
лучится истомой и дарит покой...
Там – сгинут сомненья, найдутся ответы
на всё, что днём видится праздной игрой.
...Но утро взрывает агонией ветра
блаженную одурь, врывается вмиг –
и гасит виденья пространств тех заветных,
где царствует сон... И лишь яростный крик
сознания усталого явь привечает...
Опять наважденье – «реальности мир»!
И мозг, отойдя лишь от сна – вновь мечтает
низвергнуться в Пропась, на сладостный пир,
что **там, за Чертой**, создаёт миг прекрасный,
послушный Морфея ночному лучу...
«Приди, Вечный сон!» – восклицаю я страстно
в суровую тьму... И всё чуда хочу:
земная юдоль озарится, быть может,
и радугой вспыхнет унылая твердь!

Но... зябко опять в одиночества ложе...
И жадно зову... То ли сон... То ли – Смерть!..

«НОЧНЫЕ МОЛИТВЫ ФАУСТА»

Этот сумрачный мир полуночных молитв
и мечтаний пустых отблеск внутренних битв,
цепенеющий стон, уводящий во тьму...

Я взываю, молюсь...

Но кому? Но кому?

Гулкий мрак окружает – и лишь странный туман
размывает сознание... Впереди – океан
несказанных томлений в слепой пустоте...
Вновь слова возникают...

Но не те! Но не те!

И опять ощущаешь: в этой тьме, впереди,
разрываясь восторгом, возникает в груди
опьяняющий звук – первопульс Пустоты...
Уж не Ты ли, мой Боже?

Может, Ты? Может, Ты?

Вновь ищу я на стыке абсурда и грёз
Первобога вселенной: кто – Пилат иль Христос?
Только бьётся в висках звук, рождённый во мгле:
«Бог – всему заpredелен...

И тебе!.. И тебе!..»

«ТЕРЗАНИЯ ФАУСТА»

*«Ибо кто знает, что хорошо для человека в жизни, во
все дни суетной жизни его, которые
он проводит как тень?»*

В этом замкнутом убранстве
глупых снов, пустых фантазий,
в каждодневном постоянстве
слышу лишь пустые фразы...

Всё одно – Сизиф на гору:
вверх и вниз – а всё без цели,
и страшнее приговора
не придумать, в самом деле!..

В злой обыденности будней –
серый скучный шум безликий...

Вырваться куда-то трудно,
хоть и рвётся дух мой дикий...
Да и «вырвавшись» – обратно
попадёшь всё в ту же мглистость:
тот же сумрак безотрадный,
та же серых лиц землистость...
Тусклый быт – сменить другими
«жителями»... И в чём различье?
Та же скуки пантомима,
только лишь – в другом обличьи...
Разъедает плоть незримо:
дом, обыденность, работа...
Дни уходят прочь – все мимо!
Как заклятье: весь в заботах,
в смрадном преисподней зное,
(что «мирская жизнь» зовётся),
в будничном покоя гное –
жду, что **кто-то** отзовётся...

«ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ МЕФИСТОФЕЛЯ»

Ты вспомни, вспомни! Ведь когда-то
с тобой в одно мы были слиты...
Два гордых Духа, звёздных брата,
оторвались от Царской свиты,
стремясь лететь к свободе полной:
соединив в паденьи руки –
стремглав к свободе, к жизни вольной,
отвергнув фальшь придворной скуки...
В обличьи ангелов небесных
неслись в одеждах звёздной пыли...
И нас манила Неизвестность
и мир иной... Но нас «купили» –
на обещанья наслаждений
в проявленном пространстве формы,
где правит всем отсчёт мгновений,
и где уже никто не помнит
ту жизнь, в прекрасном чистом Духе,
что цепью времени не связан...

И расцепились наши руки,
и каждый – был пройти обязан
рожденье в новом грубом теле,
что ведает пространства свойства...

«Дается каждому по вере!..»

Но тело верит лишь в довольство
и исповедует «блаженство»:
всё пресно, стёрта чёткость граней,
Небес забыто совершенство –
лишь тлеет уголёк в сознании!

Но ... эта искорка исканий
гармоний Высших сфер созвучий,
в обход наград и наказаний,
отринув блажь «благополучья»
стремится нас вести к свободе,
к познанию *истинной основы...*

Да, «всё продумано в природе»,
но в Духе – только *страсть!* И снова
отвергнем мы подсчёт унылый

и доводы «карьеры-в-боге»...

Лишь **дерзновение бунта** – сила,

что отвергает смрад убогий

обыденности ложных истин

и прозябания в «блаженстве»:

где тело облетит, как листья,

душа – увянет в фарисействе...

Ты вспомни, вспомни!.. Ведь однажды

отбросив скуку Сил небесных

мы в Бездну ринулись, где каждый

летит во мрак с горы отвесной:

там нет проторенных тропинок

и нет надежд – лишь Свет познания,

и там дороги *Половинок*

расходятся... И расставанье

им предначертано до срока:

когда опять, в земной юдоли,

не видя смысла, цели, прока,

поднимут чашу скорбной доли

и снова устремятся в Бездну –
песчинкой вечности растаяв ...
Объяття мир свои отверзнул –
возьмёмся ж за руки, взлетая!..

«ВОЗВАНИЕ МЕФИСТОФЕЛЯ»

В чертогах древних, в камнеломнях,
среди праха суетных времён
родился звучный и огромный
полночный гимн, что заклеймён
отныне станет жалким клиром,
их прозябанием-во-лжи...
Разросшимся в толпе Кумиром
восславится напев ханжи
и подвыванья фарисея
к Подателю скудельных благ –
и спят жрецы, поднять не смея
свой жалкий лик на Новый стяг,
что воссиял вселенским светом

в подлунном царстве на века...

Но и на Небе нет ответа –

разлилась времени река

и затопила буйством бунта

обыденность эдемских врат...

Взорвался вечный Дух, как будто

звезда усилилась стократ...

Но постоянство разлетелось

осколками Незримой власти,

когда Творцу вдруг захотелось

похоронить мирские страсти

и возвестить Небес закланье,

в цепи времён сместив все звенья...

Алкай, о смертный, *Инознанья*

в громаде Нового творенья!

Мой гордый Фауст – восторгайся

зарей, что *иномиром* дышит!

Смелей в огонь любви бросайся!

И да поможет нам Всевышний!..

«ПЕРВАЯ ПЕСНЬ ДЛЯ ГРЕТХЕН»

Средь далёких равнин, что лежат меж горами,
и вбирают в себя свет усталой Луны,
спрятан Камень судьбы, что не найден был нами,
и на нём – *тайный знак* той волшебной страны,
что во сне лишь раскроет свой истинный смысл,
поражая невиданным блеском огня...

И в надрыве восторга теряется мысль,
растворяясь в глубинах сознания... Меня
ведь не раз та страна по ночам посещала,
принося *тайный зов* и взывая к Судьбе –
ничего не просила, но всё обещала,
свой восторженный танец свершая во мгле...

Низвергались с небес вод бушующих реки,
изливаясь в ночи серой гулкой тоской...

И свинцовым туманом мне застило веки,
а чарующий сон уводил за собой –
в ту страну, где луна между скал затерялась,

звёздный блеск утопив в лучезарных горах;
где долины во тьме разбрелись – и казалось
что Предвечный огонь схоронил здесь свой страх

...И таинственный сон всё манил за собою
проникая сквозь мрак к тайне Камня судьбы...

Обречённо луна расцвела за горою,
но прочесть *тайный знак* – были тщетны мольбы!

«ПРОГУЛКА С ГРЕТХЕН»

*«...доколе не возвратишься в землю,
из которой ты взят, ибо прах ты
и в прах возвратишься...»*

Закатный свет лучом сонливым
сквозь строй деревьев пробивался,
и на траву покровом стылым
туман неспешно надвигался
И гомон птичий смолк в испуге:
ведь мрак собою всё зачернит
и никого во всей округе
не видно в этот час вечерний

Пуста дорога... Обезлюдел
реки пологий узкий берег...
И мы с тобой уже не будем
держаться за руки – не верим
мы в сумерках в дневные страсти
и негу утренней прохлады
Здесь скоро тьмою ночь закрасит
рельеф кладбищенской ограды

Гудит земля почивших прахом
тревожный пульс стучит в аортах
и ощущаем в жутком страхе:
вот наступает Время мёртвых!

«ОБНИМАЯ ГРЕТХЕН»

Ночной покой укутал вязким
туманом грёз твои глаза
и льёт дождём цветные сказки

тех снов, что дарят чудеса,
ведут за горизонт желаний:
для исполнения мечты,
где нет сомнений и терзаний –
лишь вечный праздник красоты...
Где счастье призрачной свободы
и иллюзорности покоя
назло законам всем природы
пророчат вечный рай с тобой...

Пустой мираж, химера ночи,
диктует свой ночной закон –
и каждый спящий жадно хочет,
чтоб *вечно* длился этот сон...

«ПРОЩАНИЕ С ЛЮБОВЬЮ»

*«...ибо что же? если некоторые и неверны были,
неверность их уничтожит ли
верность Божию?»*

Светает... И в ночной тиши
здесь не напомним ничего

о росчерке твоей души
на кромке сердца моего...
Мрак за окном... Лишь отблеск стен
рябит зияньем пустоты...
И я в незримый схвачен плен
потоком праздной суеты,
где мир вокруг вмерзает в тень...
Я пуст... И холоден, как лёд...
Быть может – и придёт «наш день»,
но только... *где он нас найдёт?*

Впадает в сон размытый звук
и... *никаких желаний нет!..*
Чуть слышный сердца перестук
раздавит груз бесцельных лет,
и океан предсмертных грёз
укутает глухой стеной...
«Быть или не быть...» – что за вопрос?!
С тобою – *быть!* Любой ценой!

Но вязкий тягостный покой
вползает внутрь, давит грудь...
Навеки буду я с тобой!
...Когда-нибудь... Когда-нибудь...

«ПЕСНЬ К ЕЛЕНЕ ТРОЯНСКОЙ»

*«Заклинаю вас... не будите и не тревожьте
возлюбленной, доколе ей угодно»*

В запутанных дебрях глубин подсознания
скрываются тщетно чудес ожиданья
надежды открытий и жажда свершений
грядущих событий предчувствие плена
Всё просто и ясно – ведь цель так чудесна!
«Не думай напрасно про Путь неизвестный!..»
Расставили всё нам по полкам, по книжкам:
«Вон там — рай желанный! Иди же, глупышка...»

Готова ли ты, вмиг отбросив сомненья,
меж звёзд отыскать яркой страсти горенье?
И в огненном вихре вселенского взрыва
кометой нестись в безрассудном порыве?

Согласна ли ты путь держать в Неизвестность
плясать на канате над кручей отвесной
отбросить надежды на лучшую долю
и вылететь смело из клетки на волю?
Не внемля жрецам и запретам суровым
назло всем ветрам путь прокладывать новый
и за руки взявшись, нестись сквозь пространство
смеясь над богами и их постоянством?

Готова ли ты прыгнуть в Бездну со мною
в космической тьме вспыхнуть яркой звездой
взорваться в пустыне безликой вселенной
разбить все оковы предвечного плена?

«СКОРБНОЕ ВИДЕНИЕ ФАУСТА»

«...вам... которые не держат сего учения и которые не знают так называемых глубин сатанинских, сказываю, что не наложу на вас иного бремени»

Исполины стремительных ярких столетий
прошивают ткань времени ровным стежком...
«Что же было? Что будет?» – никто не заметит
что *сейчас* есть... И за деревянным божком,
что языческий мир уберёг в поле ратном,
проступает иконно-вылизанный лик...
И Змей времени свился кольцом троекратным,
задушив злую поступь жрецов... Только крик
вырывался из горла Земли обнажённой,
что была обещана сталью свинца:
меч Крестовых походов, святынь обожжённых –
это путь без начала, тропа без конца...
Но идут всё по ней пилигримы с дарами...
Впереди – темнота, позади – адский жар...
И лишь мост на цепях над зияющей раной,
что на лоне Земли будто ангельский дар:

он с небес привнесён и разорван кроваво –
боль и страх, как причастие сумрачных лет...
Кто взыскует – бредёт, напоённый отравой
из стремлений вперёд, ожиданий побед...
Горы плачутся глыбами в гладь океана...
Пилигримы срываются в пропасть со скал...
И зияет *познанием* открытая рана,
словно фетиш предвечный – ощерит оскал,
лишь приблизится к ней очарованный Странник,
что бредёт по-над Бездной в исканьях пути...
Но Познания кристалл, временной многогранник,
озарится на миг – и уже не найти
этот отблеск во тьме долгозвучных столетий,
что как корни пронзили структуру миров...
Этот мрак не познает никто, не осветит,
но... слепые бредут, и над ними – покров
из мечты безнадёжной, но грозно манящей:
будто зов-в-никуда, словно дверь *в пустоту*...
И дерзание духа в надрыве слепящем

Вифлеемской звездой пронзит на лету
и умчится стремглав – той безумной кометой,
что разрушит пространства и времени стык
...Пилигрим не дойдёт до желанного Света:
ведь его долгий путь – даже меньше, чем миг!

...И песчинки дорог, и крупинки идущих
наполняют пустыню таинственной мглы...
Бесконечности круг... Только давит гнетуще:
«...есть ли смысл и цель этой скорбной Игры?»

«ЕЛЕНА ТРОЯНСКАЯ»

*«...дом её ведёт к смерти, и стези её –
к мертвецам; никто из вошедших к ней
не возвращается...на путь жизни»*

Податливая нежность форм упругих
дарительницы жизни в скорбный мир...
И неги страсти, что взметнулась – грёз хоругвь
над бытиём угрюмым... Как вампир
вгрызаюсь в сладострастные изгибы,
что страстью налились в лучистой мгле...
И ощущаю томной дрожи переливы,

что низвергаются в мерцающем огне...
О, Мефистофель, мой лукавый соглядатай!
Продли мгновенье, чуть ещё повремени...
И разве стану в этой страсти виноватым
перед Творцом – за те волшебные огни,
что вспыхивают вдруг в душе неожиданно,
лишь прикоснусь к томленью *красоты*...
О дивный стан! О жаркой плоти свет желанный!
Мгновение – замри! Любви мосты
соединяют Небо с Адом в наслажденьи,
в один предвечно-нескончаемый экстаз...
И я воистину творю – *любви* рожденье!
И пусть живу последний миг!.. Последний раз!..

«ПРОБУЖДЕНИЕ ФАУСТА»

*« что можно знать о Боге... ибо невидимое Его, вечная
сила Его... через рассматривание
творений видимы ...»*

Под жёсткостью суровой ритуала –
улыбку солнца разыщи в снегах!

К чему нам вечность? Это же так мало!
Поймём себя – в бесхитростных словах...
Всё ритуал: еда и сон... Не скрою,
во славу Бога всё вершится на земле:
полёты смелых птиц, шум тихого прибоя,
и ласки рук твоих в безудержной волне...
И каждый ритуал – собой являет душу,
хорал, икону, свеч пленительный рассвет...
Молчи, прошу — молчи! Я всё и так услышу...
И в ритуале губ – я отыщу ответ...

«ТЕРЯЯ ЕЛЕНУ»

И снова ночь настанет,
взойдёт луна на небе,
и сердце перестанет
карабкаться на гребень
волны любви несбыточной,
мечты, что не сбывается –
привязанности ниточка

тихонько обрывается...
И всё чужим окажется,
что между нами раньше было,
больше не отважусь я
шепнуть чуть слышно:
«Здравствуй, милая...»
И в сердце снова пусто:
оно осиротело...
Гляжу в окно я грустно:
там снова облетела
листва с деревьев молодых,
что расцветают лишь весной...
И эта сказка для двоих
вдруг стала душною тюрьмой
Не обвиняю никого
за то, что жизнь так подшутила,
молю лишь Бога одного:
промолви вновь ей –
«Здравствуй, милая...»

А жизнь – всё продолжается,
хоть сердце беспристрастное
теперь не откликается
на взгляды сладострастные
прекрасных глаз чарующих
и на улыбку нежную –
уже не заколдующих
своей игрой небрежною...
И жадно сам сейчас хочу,
чтоб нить времён тебя закрыла...
Теперь навеки замолчу,
забуду напрочь: «Здравствуй, милая...»

«ПЕРВОЕ УВЕЩЕВАНИЕ МЕФИСТОФЕЛЯ»

*«... называя себя мудрыми, обезумели,
и славу нетленного Бога изменили в образ,
подобный тленному человеку...»*

Далёкий перст чужого бога
всё тычет в спину мертвецам
с кривой усмешкой: *«Слишком много*

*таких, как ты – кто внял Отцам,
кто верил на́ слово Заветам,
и пыль из ветхих книг вдыхал...
Теперь – все прах... И нет ответа
на их призыв... И кто внимал
сладкоречивым обещаньям,
и кто их с гневом отвергал –
в одной могиле ожиданий...
И тайну эту не познал
ещё никто из «человеков»,
взыскующих себе наград!»
...Богам – едино всё от века!
И «человечий» вертоград
они выращивают тщетно –
с пренебреженьем и тоской...
«Всё – сорняки!..» И безответна
та песня духа, что порой
дождём невидимым прольётся
на Землю, воскрешая тлен...*

Но... «суета сует!..» Замкнётся
душа людская в сладкий плен
ловушек иллюзорной жизни,
в блажливо-сказочной стране:
дождь – сквозь песок! И вновь на тризне
грызут объедки в пьяном сне...
Весь *дух* – в песок, и лишь Пустыня
духовную венчает брань...
Так было... Будет так отныне...
И тусклая мерцает грань
в кристалле Времени вселенной...
Та грань – Земли... Часов – оков...
Кусты сухие мысли брэнной
растут в пустыне без плодов...
И тщетно боги поливают
своею кровью мир земной...
Лишь глупый фарс – и примеряет
корону суетный *герой*,
что возвестил «явленье света»,

упав лицом во тьму и грязь...
И тщетно ждёт Земля ответа:
исчезла та взаимосвязь,
что «низших» с «высшим» в жуткий узел
связала через Звёздный мост...
«Кто Млечный Путь молитвой сузил?» –
повис над Вечностью вопрос...

И пустота!.. И всё напрасно
творится вереницей лет...
Лишь клоунада безучастной
вселенской «суеты сует»...

«ИСПОВЕДЬ ФАУСТА»

*«...но Сам Дух ходатайствует за нас
воздыханиями неизреченными».*

Вечный поток устремления к цели –
той, где движение и мысль угасают...
А оглянёшься – за жизнь не успели

мы ничего изменить... И бывает:
сладостный сон укрывает вдруг дрёмой,
нежной лазурью в сверкающем блике –
так, что забвенью недвижимой истомы
все поглощает беззвучные крики...
Рвётся из горла крик Духа гневливый,
но... разливаясь спокойной прохладой,
и проникая сквозь мысли сонливо
губит молчанье все звука преграды...
Сердце молчит... И протяжная леность
вдаль расстилает ковёр сожалений
и утверждает, что мысль – это брэнность,
тщетная вспышка пустых устремлений.
Снов тишина поглощает пространство...
Может, и глупо куда-то стремиться?
Лучше замкнуться в цепях постоянства –
и к суете будних дней обратиться...
Пусть, мол, останется всё, как и прежде!
В робком уюте тщедушно забыться...

Шорох «смирительной веры» одежды
не позволяет Познанию раскрыться...
В сумрачном, злом и угрюмом пространстве,
в мире, где не было места свободе,
где лишь тоска правит в сером убранстве
и лицемерье где всем верховодит –
тусклый покой каждый миг наполняет,
не разрешая проснуться движенью...
Дух всё молчит... И при этом не знает,
что он предал своё Преображенье.

«ВОСПОМИНИЯ О ЗЕМНОЙ ЛЮБВИ»

*«...для одних запах смертоносный на смерть,
а для других запах живительный
на жизнь...»*

По кругу движенье:
любовь, расставанье
и снова – на старый виток...
И в кратком мгновенье
чудес ожиданье

несёт жизни вязкий поток...

Вращенье впустую
меж знаков обманных
сплетенья ничтожных проблем,
стрельба вхолостую
по целям туманным,
рождённых банальностью тем...

В запретном чулане –
тупик Наслаждений,
как отблеск небесной зари...

И тайных познаний –
полночных видений
мерцают во тьме фонари...

В тебе я пытался
найти оправданье
всему мирозданию... Поверь!

Но как не старался –
лишь боль и страданье,
да высохший пепел потерь.

Теперь я всё знаю –
но жить стало страшно,
когда видишь смерть вдалеке...

На нить нанизую
я бисер вчерашний –
пусть сгинет он в мутной реке!

И мой парус алый
наивной надежды
навек во тьме пропадёт,
лишь сон обветшалый
укроет, как прежде –
меня в нём никто не найдёт.

Любое движенье
кончается скукой –
я жизнь проживаю не ту!..

Любви упоенье
в божественном звуке
исчезло, уйдя в пустоту...

И где путь к Спасенью?

Не помню... Не знаю...
Наверное: Путь-в-Никуда...
Путь к Смерти, к Забвению,
путь к аду ли, к раю?
...Как в свете угасшем звезда...

«ВТОРОЕ УВЕЩЕВАНИЕ»

*«...и Ангел клялся Живущим во веки веков...
что времени уже не будет»*

Продёрнуты сквозь расстоянья
и опрокинуты в безмолвье,
в незримой колыбели слова
они – одни в своих скитаньях...
И, кропя путь свой кровью,
нисходят смело в ад – и снова,
отринув собственную душу
и фальшь пустых исповедален,
во тьме отыщут Откровенье –
что воплощённый мир разрушит,
взорвёт покой уютных спален,
восславит *новое знаменье!*

Неведомый – вне узнаванья,
между частиц, создавших разум –
проснётся *Лучезарный вестник*,
что в мир войдёт с Мечом дерзанья
и выкинет пустые фразы
из книг Заветов дряхлых песен,
что возвеличили из лести...
И вспенятся моря от духа,
что привнесут из недр вселенной
Посланцы звёзд – сольют что вместе
Эдем и ад!.. Тончайшим слухом
распознавая ритм нетленной
вселенской Запредельной жизни
(что не объять земным сознанием!)
восславит *Воин* – силу **знанья**,
сметая ложь в небес отчизне...
Ну, а пока – в Огне скитанья:
«...продёрнуты сквозь расстоянья...»

«ТРЕТЬЕ УВЕЩЕВАНИЕ»

«...*Не мир я вам принёс, но меч...*»

Словно штык пронзает кожу:
плоть Земли сечётся Небом...

На *любовь* – и не похожа
эта пытка... Гея – Фебом
обещана с усмешкой
и забыта в одночасье...

И *орёл* – раздавлен *решкой*,
и душа – размыта счастьем...

Сытый сумрак, флёр уюта –
визги жирных крыс блажливых...

Но «*не мир, а меч!*...» – минута
протекает в пантомиме
и в гримасах злых: столетий,
междуцарствий, межвековой,
недомолвок, междометий,
пересудов, суесловий...

Словно водопад в пустыне

Хронос тайны отмеряет:

«было так – и стало ныне...»

И разгадку не узнает

ум пытливый, что стремится

всё свести к единой цели...

В серой скуке растворится

дух Предвечной колыбели –

и оставит игры эти,

с «познаваниями смысла»...

Лишь частиц незримых ветер

разметает знаки, числа,

буквы, племена, народы...

На «круги своя» вернётся

замысел Творца – и воды

ниспадут с небес... Прервётся

нить, связующая годы

и мгновения: качнётся

стан Земли – и снова роды

примет Бог-Отец... Прольётся

благодать извечной пытки:
рассечётся плоть земная,
дух оставит все попытки
воплотиться – сознавая
ограниченность познания...
Гея-мать в изнеможеньи
вторит молча созиданью
бесконечных превращений
времени – *в ничто*, в безликость...
Бог-Отец, в святой гордыне
прославляет троеликость
Самого Себя... Отныне
всё идёт опять как прежде:
падают со звёзд мгновенья,
тешит дух себя надеждой
на скупое откровенье...
То «орёл», то – «решка» снова...
Нечет – чёт... И левый – правый...
Но Вселенскую основу

можно ль отыскать? Отравой
литургии обескровлен
дух пытливый – всё гадает
тайны жизни... Срок условлен
и поспешно отступает
время вспять... Стремглав мгновенья
собираются в пространстве,
сжав в единое стремленье
все порывы плоти... Царство
Бытия взметнулось в смерче...
Пустоты священной выстрел!
Этот жуткий вихрь заверчен
в сторону *запретной мысли*,
по спирали гулкой бездны
невозможных превращений
инобытия... Небесный
свет священных озарений –
вдруг сменился мраком жутким
в парадоксах жизни мнимой

иновремени: где сутки –
словно миг один незримый;
где столетья протекают
создавая лишь мгновенье
за свой долгий бег... Какая
мысль вместит отображенье
этих странных начертаний
на пространстве жутком страха,
на листе Вселенской тайны,
спрятанной в глубинах мрака...
Только всплеск огня – и снова
всё смешалось, словно в танце...
Цельность обрела основу
и вернулась в постоянство –
в то, к чему привык наш разум,
расщеплённый на частицы:
успокоился дух сразу,
обретя свои границы...
Снова – «счастье»... Всё спокойно...

Жизнь опять свернулась в ленту!
Всё степенно... Всё достойно...
Смерть отсчитывает ренту...
Визги крыс подобоострастных,
кайф сосущих алчным роем...
Только Дух познания страстно
отмечает блажь покоя...
И «... не мир – но меч!» Стремленье
выйти за любые рамки
разрушает в упоеньи
из песка и тлена замки...

«ВЕЩИЙ СОН ФАУСТА»

*«...ибо написано: погублю мудрость
мудрецов, и разум разумных отвергну...»*

Вновь полная луна затмила
дневных забот пустое тленьё
и тьма ночная приоткрыла
проход в иное измеренье:
в стремительный прорыв к пространству,
где в ослепительном сиянии

ликует гордо ветер странствий
в неведомых краях... В изгнаныи,
в забвеньи, в скорбном отреченьи,
свершает путь Незримый странник,
презревший радостей влечение,
вселенской грусти вечный данник...

Невидимый для суесловья,
для ханжеских очей незримый,
Он окропляет поступь – кровью
на каждый шаг... Неуловима
та дерзость грозная, с которой
с лица земли Он ложь стирает:
лишь пыль и тлен – ведь суд тот скорый,
прощений милости не знает...
Моргнёт – империи громады
вмиг превращаются в руины,
и сонмы душ бывшего града
в деснице грозной Властелина
в прах обращаются... И снова

стремится в бездну Странник вечный,
и каждый шаг Его – основа
для *смерти и забвенья*... Нечто
на миг сверкнёт меж ними страстно:
вздох бытия ли, страсть ли? Поздно!..
Растоптан тот росток прекрасный –
лишь скорбный стон под небом звёздным...
Ведь *бытия* – полкапли только
в великом океане *смерти*...
И продолжается путь горький
в предвечной праха круговерти...

«ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ЭДЕМЕ»

Пробелы солнца в тёмной жиже
безликих туч, сокрывших свет...
Из поднебесья – ближе, ниже
спадает луч... И больше нет
наивно-благозвучной дымки,

что обволакивает тьмой...
Молитвы – эфемерны, зыбки
и низвергают нас с тобой
в размыто-сонное пространство,
где иллюзорна даже мысль
и всё – мираж... Лишь ветер странствий
вдыхает в грудь вторую жизнь
и тягу к запредельным знаниям,
что обольщением новизны
сгубили душу... Утром ранним
глаза откроем – рождены
для новой жизни: грёз Эдема,
что ограждён глухой стеной...

Огонь познания – справа, слева...

Того ль хотели мы с тобой?
Алкали *свет*, но... не успели!
Теперь о милости забудь!
И вихри Вечности-метели
развеют прах, закроют путь

нам в запредельное блаженство,
в край эфемерной чистоты,
где скован Дух и где главенство
прибрал к рукам покой... И ты
терзаешься воспоминаньем
о дивной сказочной стране,
где надкусила Плод познания
и страстно протянула мне.
Мы вгрызлись в мякоть *инознанья*
и вмиг растёкся по телам
проклятья крест – и мирозданье
воздвигло Осознания храм...

...Того ль с тобой мы ожидали?
Бессмысленный вопрос... Забудь!
Низвергнуты с небес, упали
в сей странный мир... Когда-нибудь
мы озарим лучами страсти
далёкий тот эдемский дом...
Пока не в нашей это власти,

но... день придёт! Да грянет гром –
могучим эхом отзовется
по всем архангельским мирам,
и цепь проклятия прервется:
«Не мне, не мне... Но вам! Но – вам...»

«НОЧНОЙ КОШМАР ФАУСТА»

*«...Разве не знаете,
что мы будем судить ангелов...»*

Проклятье! Снова в жутком визге
вдрызг разкуроченных идей
хочу нащупать смысл жизни...
Но всё несутся вдаль, быстрее
стремительные стрелы странствий
по лабиринтам Высших сфер...
В помпезной мгле Земли убранства
хохочет пьяный Агасфер,
азартно тычет алчным пальцем
в Писаний погребальный хор...

И в саване, хромым паяцем,
жрецы несут в толпу свой вздор
про Апокалипсиса свойства
и «суд за гробом»... В сотый раз
в жизнь воплотится тайнодействие,
что сотворил Господь для нас:
вкусить Познания плод тягучий
и, растекаясь в зябком сне,
зайтись в божественной падучей,
что предначертана Земле
в изгибах Высшего коварства:
«Мирское счастье – тлен и прах!
В небесном же, духовном царстве –
лишь вечный рай!» ...И на словах
всё получается красиво:
«Взыскуй нетленных, мол, даров!»
... Добыть пытаются спесиво
Огонь кресалом праздных слов –
молитва, что богам лишь снилась,

что не питают кровью вен...
В пустые фразы обрядилась
слепая догма... Сладкий тлен
мир обволакивает тенью
от философской мишуры...
Калека-жрец под райской сенью
выводит правила игры
несуществующей колоды,
незрячим шулерам под масть...
Взыскуют горних благ народы,
а Падший ангел – всё «упасть»
поглубже хочет... Да не может:
собой всё занял *Человек!*..
Не в силах вылезть Змей из кожи –
и проклиняет скучный век,
где засыпает Дух в бессильи...
...Где всё укутал тусклый флер...
И во вселенской атрофии
на Трон садится
... Люцифер!

«ВОПРОШАЯ МЕФИСТОФЕЛЯ»

Этот сумрак ночной,
дня замкнув круговерть,
ставит снова вопрос предо мною:
время смыто волной,
что несёт гневно Смерть –
уведёт ли она за собою
в дальний край, где поля
разлеглись в чёрной мгле
и никто этот мрак не познает,
где сгнивает земля
в тесном гробе камней
и движеньем – покой управляет?..

Там, в недвижных волнах,
в недрах мёртвых морей
растворится в покое сознание,
мир растает во снах
и всё ближе, быстрее
приближается Смерти дыханье.

Вот оно у виска,
словно мой антипульс
сообщает: «Безжизненно тело...»
Слабость, сон и тоска
задают точный курс
как мне выйти *за Жизни* пределы.

И опять сквозь года
тянет вдаль полумрак:
от Конца жизни – к Смерти началу...
Я не знаю – «куда?»
и не ведаю – «как?»
... только чувствую: время настало!

«ФЕРСАЛЬСКИЕ ПОЛЯ»

Дрожь сосков, изгибы тела –
и в безудержной истоме
ты стонала, в ласках млела

наслаждений... Нужно ль спорить:
что есть грех, а что – прощенье?
Если кровь – услада волку,
то волчице – наслажденье
самки дикой!.. Много ль толку
в умозрениях безликих?
Надо видеть пляску страсти
жаркой плоти, пламя диких
чувств предвечных – и не скрасть их
оправданиям тщедушным
в покаяньях жалкой скуке!
Ведь не может быть послушной
страсть огня – где жаждут руки
трепет крови, жар объятий,
где рассудок бесполезный
немощен хотя б назвать их –
эти всплески Дикой бездны,
где в эмоциях разрыве
разлетятся по вселенной

отблески «греха»... В надрыве
всех сил плоти, в упоенье
похоти предвечной, дикой,
что как кровь – в оргазме брызнет:
в Бытии растаять крике,
утонуть в экстазе жизни...

В сладострастии раствориться,
ложь отбросив будней серых
«добродетели», открыться
бездне сил Огня... И веру
вдруг открыть в Свет запредельный,
разрывающий сознание
жаром страсти... В миг отдельный
Вечность обрести, познание
Истинного совершенства
в упоении сокровенном –
на *Вселенные блаженства*
разлетевшись дерзновенно!..

«ПРОПОВЕДЬ МЕФИСТОФЕЛЯ»

«...и духи пророческие послушны пророкам...»

Соблазна патока струится,
перетекая в вялый мозг –
что, изнурённый, расслоится
и потеряет прежний лоск,
лишь чуть коснётся зова плоти,
едва услышит томный вздох...
Не в состояньи побороть их –
сознание рухнет... Скорбный бог
опять воззрит на буйство страсти
и литургию алчных тел...
А можно ль «покаяньем» скрасить
мистерию – что не посмел
Творец назвать «соитьем с бездной»,
а только лишь пространно: *«грех,
запретный плод»*... И в небе звёздном
разверзлось Бытие и всех
проглотит – тех, кто мог остаться

в унылом ангельском мирке,
но *страсти* захотел отдаться,
испить воды в *любви* реке,
что словно кровь клокочет в жилах
Земли, томимой жаром губ...
Но до небес достать не в силах
те губы... Рёв хоральных труб
предупреждает сонм небесный
о всех порывах жарких уст
добиться связи-с-Богом... Лестна
тому любовь Земли – но... пуст
родник души в помпезном гное!
Ведь, отвергая жизни страсть,
в надменной силе – он *собою*
одним лишь занят... Ипостась
одна его явилась «сыном»,
другая – назвалась «отцом»...
А всё земное – зло отринул
и гневно заклеил... Лицом

своим залез в иконы рамку,
издал «собрание цитат»...
«Сосуд греха» – объявлен «самкой»,
что исторгает смрадный яд...
Но на иконах лик мертвецкий –
лишь только слепок жутких снов...
И поцелуи, лепет детский
затмили тягомоть оков
небесной блажи... Жизнь струится,
течёт в распахнутых сердцах,
и разбираться не стремится
никак в библейских праотцах...
А «богу – богово»... Вкушает
теперь он лицемерный бред
своих служак... И вымещает
свой гнев на тех, кто любит свет,
а не унылый сумрак, келью –
кто в ласке тел рассудок сжёт,
кто снизошёл с небес на Землю,

и стал Отвергнутым, и рёк:
«А я вам говорю – вы боги!
Огонь души я вам принёс...»
И падших ангелов дороги
благословил Огонь... Вопрос
однако всё же остаётся:
давно наскучил тусклый бред
унылых слов... *А жизнь* – смеётся,
и в смехе том звучит ответ
на все пустые упованья
и отречение благ земных...
Противно Духа любованье:
он – не прибежище слепых...
Ведь Дух – живительная сила,
а не убогий ветхий склеп;
он – древа сок, а не могила,
но... в пафосных речах – ослеп,
не смог осилить дальних высей
в безликой скорбной пустоте...

А жизни жар приносит смысл
Существованья-в-Красоте,
неумолимости движенья –
туда, где быть ещё не смел...
И жаркой плоти откровенье
откроет Истины предел!

«ЧЕТВЁРТОЕ УВЕЩЕВАНИЕ»

Проклятье грёз, избитых в строчках
бессмысленных пустых стихов...
Лишь только «как бы между прочим»
вдруг замечаем цепь грехов,
что нас сковали тенью буден
и повседневной суеты...
«Да будет Свет!..» Но где ж он будет,
когда вокруг – всё сон?.. И ты
пытаешься схватить тщедушно
тот ускользающий мираж,
что явь затмил – и равнодушно

глядишь на мир, впадая в раж,
когда лишь издали помянут
иллюзии пустых надежд...
«*Всё – суета сует!..*» И ранят
твой дух моления невежд,
что изрыгают горделиво
свои псалмы сквозь сумрак лжи
стяжаний благ земных, ревниво
считая «дивидент»... Скажи,
Екклезиаст, мудрец предвечный:
сквозь скорбь и боль ты ищешь *свет*,
но выйдет ли тебе навстречу
Тот, от кого ты свой Завет
во сне объял и в мир нам вынес –
как гул иных колоколов,
во тьме звучащих... В бездну ринусь –
чтоб слышать *Зов!..* Но морок слов
в кумира превращённой Книги
сковал, как обруч, разум мой:

«Всё – суета... молчи, не двигай
свой дух вперёд...» И вновь покой
сонливой праведности скуки
паучью сеть на дух плетёт...
Лишь эхом в небе праздном стуки –
часов, сердец, идей полёт...
И этот ритм, чуть различимый,
«спасения» отбросив лесть
являет в мир неумолимо
иных эпох иную весть...

«ПАДЕНИЕ»

(Монолог поэта, приятеля Мефистофеля)

Летел ты в Бездну – по прямой,
я – по касательной, туда же...
Архангелов дробился строй:
на тех «кто промолчит» – и «скажет»...
Одни – молчали... Скорбный лик
их был угрюмо озабочен:
дрожал на нимбе нервный тик,

но знали: *«Приговор отсрочен!»*
Другие только лишь: *«Держись!»*
кричали вслед, благословляя,
и падали за нами, вниз –
паденьем бездну измеряя...
А мы летели, как могли,
и Духом – вечность обнимали...
Лишь только скорбные стихи
из наших жарких губ слетали...
И ангелов молчащих сброд
бросал завистливые взгляды...
А те, *кто падал* – в свой черёд
полёту с нами были рады...
Смотри, приятель: за собой
мы шлейф Небесный потянули...
«Падший поэт» – он не с толпой:
«зачем будить тех, кто заснули?»
А вот Небесный легион
мы всколыхнём стихом... О Боже!

Ведь помним мы, что даже ОН
успел побыть в поэтах коже –
вдруг снизошёл внезапно в мир,
стал благовествовать стихами...
ЕГО распяли... Что ж, Мессир,
быть может – это станет с нами...

Но раз мы живы – будем петь
и славить правду слогом смелым...
Вот, только – хорошо б успеть
допеть до точки... До предела...

«МОНОЛОГ МЕФИСТОФЕЛЯ»

*«Испытующий же сердца знает,
какая мысль у Духа...»*

Зачем, друг Фауст, в лютой стуже
ожесточения сердец
ты ищешь смысл... Кому он нужен?!
Терновый водрузив венец,

всё жаждешь в яростном дерзании
«постичь, найти и испытать»...

Алмаз науки не ограничен –
и стоит ли о том мечтать,
чтоб упорядочить все свойства
и вычислить вселенной суть?

Взгляни вокруг! Лишь блажь довольства...

Не всколыхнёт в болоте муть
ни проповедь, ни Светоч знания
и ни любовь к иным мирам...

Мир – дремлет! Слабое мерцанье
сквозь сумрак сна доносит нам
посланье запредельных истин,
но... бесполезное толпе,

как ворох прошлогодних листьев –
сжигается... И в суете
стяжаний благ земных унылых,
«любовей сказочных Елен» –

ты вновь стремишься суетливо
преодолеть извечный плен
земной тщеты, вопросом мучим:
«Зачем Творцом на свет рождён?!»

...Оставь! Всё – лишь нелепый случай!
Мой странный друг, ты – обречён!..

«СКОРБНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ФАУСТА»

*«...убоялся туда идти; но, получив во сне
откровение, пошёл в пределы Галилейские...»*

В видениях ночных
мне застигает разум
сиянье Тьмы... Пустых
молений жарких фразы,
где в страхе грезит дух
надеждой всепрощенья,
звучат... Всевышний глух
к мольбам моим! И мщенье

небесного огня
мне сердце разрывает,
а тайный полог дня,
что скрыт в веках, спадает –
и обнажает стон,
бурлящий в Чаше гнева –
когда Небес закон,
Земли отвергнув чрево,
уничтожает жизнь
(срубив секирой Древо,
что породила мысль
своим дерзаньем смелым)

...Свершится Высший суд –
да *грянет гром!* И тщетны
молитвы – не спасут,
призывом безответным
растают в свой черёд...
Ведь уничтожив Землю,
в Небытие войдёт

Всевышний сам... И внемлю
дыханью бытия,
что среди звёзд мерцает –
найду ль себя в нём я?
...Да разве кто-то знает?!

*

Стенанья Пустоты
во тьме звучат так страстно!..
Молчи, мой Дух! И ты,
душа, не плачь напрасно
о будущем своём,
сокрытом в чёрной бездне,
где скорби водоём –
мерцает Стикс... Отверзни
свои глубины, Мрак!
В Небытии, в забвеньи
приму я *крест*... И как
возможно снисхожденье
для тех, кто мысль свою

над небом гордо вскинул?

О *пламени* молю,
блаженный рай отринув...

Найду ли в этом смысл?
Ведь невозможно верить,
что всех приводит мысль

в те огненные двери,
которые ведут
в мир смерти и забвенья,

где ангелы не ждут
чудесных откровений,
где только *Пустота* –

от края и до края...

И *жизни* где черта
исчезнет, прогорая –

не злясь и не любя,
оставив снов лишь дымку,

забывших про тебя,
заблудшую пылинку...

«НА ПРОПОВЕДЬ ФАРИСЕЯ»

«...отойдите от Меня, не знаю Я вас...»

Поток ненужных слов бесцельно
течёт из уст твоих... К чему
воспринимать себя отдельно
от чувств, стремящихся во тьму?
Зачем пытаться словесами
изображать молитвы дух?
Заискивать пред небесами
и льстить Всевышнему... Протух
давно твой старый катехизис,
заполненный завесой слов;
в душе – разлом и жуткий кризис,
под гнётом тягостных оков,
что заковали разум хилый
слепыми догмами... Увы!..
Ты робко шепчешь: «Боже, милый...»
Он *так* ли мил тебе? Сорви
личину жалкой глупой лести,

не оскверняй Небесный слух,
не кланчи благ пустых... Всех вместе,
таких, как ты, возьмёт Пастух
и на шашлык Овец отправит,
исполнив пастырский свой долг...
Ведь знает Он, как в Царстве править!
И будет ли тебе в том толк,
что ты в молитве суетливой
всю жизнь свою к Нему взывал,
изображал себя правдивым...
Но только... *«Он тебя не знал!..»*

«ЯЗВИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ МЕФИСТОФЕЛЯ»

Обхватишь разумом величье
божественного «плана мира»!
Что ж – торжество!.. С полёта птичьего
земля томится по Кумиру
и робко внемлет чаду «истин»,
стекающих с полей Эдема...

Так было вечно!.. Ныне, присно...
Господь создал в раю Голема,
что призван был добро посеять
в материи бездушном царстве...
Теперь – среди рытвин и расселин
лежит сей прах, что от коварства
возник тех «глиносотворённых»,
что вгрызлись в терпкий Плод познания...
Стада несметных Обречённых
уходят в Ад – в своём дерзаныи
отведать вкус закрытых истин,
запретных тем и наслаждений...
В саду Эдема вянут листья
от сладострастных искушений,
что воспаряют ввысь, с молитвой:
тягучей патокой вздымаясь
из мира зла... Неявно, скрытно –
волной бесформенной вонзаясь
в «гармоний высших сфер» унылость...

Сочится в Небо – *яд, без меры!*

...Сто тысяч лет назад случилось

«грехопаденье» Люцифера:

«Низвергнут... Но – опять поднялся...

Изведал Мрак... Готов к сраженью!»

Полёт в Геенну не прервался –

стремится в бездну скорбной тенью

Посланец мрака, Ангел мщенья,

Суровый рыцарь – Зверь предвечный...

Раскаянье?.. Мольба к Прощенью?

К чему?! И Мастер дел заплечных

топор свой точит огненосный –

чтоб узел разрубить Познания

и вырубить тот Сад несносный,

(а деревья – пустить на Зданье,

где *по-иному* повернутся

законы все мироустройства)

...Познания древа ветки гнутся –

под ним, в изнеженном довольстве

сидят в прострации блаженства
Небесной рати командиры...
«Куда идти? Всё – совершенство!
Зло истребят с кончиной мира...
Настанет Судный день отмщенья,
разрушим Землю, грех постылый...» –
глядят с елейным восхищеньем
на Сад, где всё давно застыло,
где *ни-че-го* не происходит
и Скука с Праздностью пируют...
Простим убогим – в блажи бродят...
Зачем будить? Они ж – *уснули!*..

«ВОПРОШАНИЯ ФАУСТА»

Подвенечный наряд
чёрной траурной лентой
зачеркнул дерзновенье

бунтующих душ...
Дней бежит тусклый ряд,
как проценты за ренту –
но кому это рвенье
принесёт крупный куш?
Внеземной ростовщик
отмеряет всем время:
«богачам» – долгий путь...
Пусть влачатся их дни!
И с косою Ямщик
держит вожжи и стремя,
не давая заснуть –
и промчатся они
по ухабам судьбы,
что размеренно-кисло
ждёт в петлицу цветка,
иль монетку в ладонь.
И свернуть надо бы!
Только сердце – «отвисло»,

как живот старика
или груди мадонн...
«Беднякам» – скорый путь:
умирают в расцвете,
в ожиданьи надежд,
в предвкушеньи услад.
Сокрушает их жуть
злойной мёртвой планеты,
(грязный ворох одежд –
«подвенечный наряд»!)
И, как символ потерь –
скорбный стяг нетерпенья:
через грань, за черту,
за которою – рай:
«Лишь надейся и верь!..»
Но настанет прозренье,
упадёшь в *Пустоту* –
где чудовищный край
простирается вязко

во мраке тревожном,
где голодные души
друг друга грызут...
Это ль «райская» сказка?..
Лишь холод острожный
все надежды заглушит –
лишь тени ползут
по гниющему праху,
телес разложению...
Ужас царствует ночью
и смерть правит бал:
всё кладётся на плаху –
где зов наслажденья
свой клинок острый точит...

И хищный оскал
Звёздный Мытарь судьбы
лишь однажды покажет,
занеся свой топор
над тобой... А потом?..

Бесполезны мольбы?!

...Ну, а разве кто скажет?

Лишь пустой разговор...

...Иллюзорность... Фантом...

«ЗЛОЙ ЮМОР МЕФИСТОФЕЛЯ»

Да, согласен, всё мне ясно:

покаянье, причащенье,

скорбь о прожитых напрасно

буйных днях... Потом – прощенье

мне выпрашивать стыдливо...

Да, конечно – пост, молитва,

воздержание... И зримо

соберу плоды той Битвы,

на которую сподвигнул

праведный аббат Эвлалий...

Только бес на хвост мне прыгнул

и слезать всё не желает!

«Грех так просто не сдаётся!» –

так «святой отец» пророчил...
На моих рогах – бес вьётся
и оставить их не хочет!
Да, момент ведь эпохальный!
Вот совет где пригодится!..
Только вредный бес нахальный
меж копытами кружится...
«Кайся!» – так и огорошил...
Что я – ангел, в самом деле?
Бес всю дыбом шерсть взъерошил
на моём безгрешном теле...
Мне ль теперь за ним гоняться?
Бес ведь знает толк в погонях!
Что мне толку причащаться,
раз горит смола в ладонях...
Очень жаль – аббат Эвлалий
задарма потратил время:
каяться смогу едва ли,
коль течёт свинец на темя!..

«КРЫСЫ АРМАГЕДДОНА»

(Сновидческие картины Фауста)

Небесные всполохи тихо растаяли,
ввязнув в закат полусонного города...

Тихие шорохи *крыс* – сбившись стаями,
злостью горят, изнурённые голодом...

В тесной утробе ревущего Времени,
крысы – обед тусклых дней, миром прожитых...

Стоя «при гробе», держа ногу в стремени,
ангелам «нет!» ты процедишь восторженно...

Жалость отбросив, с чувством величия
шкуру сдерёшь с жалкой *крысы* безродной;
шерсть разъерошив – как доблесть, отличие,
к стенке прильнёшь над постелью холодной...

Царство крысиное пеплом присыпано...

Армагеддон потревоженной жалости:

Войско небесное пёрышек скрипами

спишет урон – ну, до самой до малости:

«Нет, мол, погибших... Ликуйте, избранные!

Сладкий Эдем вожделейте, слюнявые...»

Крысам поникшим, с мордами драными,

жупел – тотем возведёте по праву вы...

«НЕИСТОВСТВО МЕФИСТОФЕЛЯ»

Ты – человек! И в этом слове

сокрыта бездна слов других:

ты жаждешь Рай, но наготове

сжимаешь Ад в руках своих...

Всё ищешь «бога» суетливо –

в потоке дней, в чужих словах...

В речах ты благ, но горделиво

себя вознёс в пустых мечтах...

Ты – человек... Венец природы?!

Мешок с костями и дерьмом!!!

Ты жаждешь превзойти невзгоды

и счастья ждёшь... В себе самом

найти стремишься совершенство

и вечный «праздник бытия»...
Твоё «святое» фарисейство
убило дух!.. Хочу ли я
именоваться этим словом:
мол – «человек», мол – «соль земли»?
И лицемерье сделать домом
своей души... О, Бог, внемли!
Внемли безродному созданию,
кто даже и *«не человек»!*
Чей дух в сомненьях и в терзаниях
Во Тьме блуждает, и вовек
не возвратится к рабству «света»,
где тихо, сытно и тепло,
где есть готовые ответы
на все вопросы... Всем назло,
мой дух себя увечит *Знаньем*
и отрицает тусклый рай
земного «счастья»... Дерзанием
неистовым — уводит в край,

где только сумрак необъятный
неизречённой тайной мглы
Небытия... Слова невнятные,
и мысль на острие иглы
абсурда тяжестью распята:
«Инопространство», «Инобог»...
Там всё размыто, но всё – свято
в своём Огне... И кто бы смог
объять сознанием «человека»
тот несказанный Вечный мрак?
Ведь там секунда – больше века
земного времени... И как
возможно *«самопознавание»*,
когда и *«само»* – вовсе нет!
А есть лишь глупое мечтанье:
«...в себе самом храню, мол, Свет...»
Ты – человек? Звучит-то гордо,
но лицемерьем полон звук...
Из бытия взял «два аккорда»,

а остальное – мимо рук...

И в ограниченном пространстве
сидишь в цепях своих идей,
пустых наук и вер! В сектантстве
погряз твой мозг!.. Скорей разбей
все зеркала наивной блажи,
что *«человек – венец всему»*,
иначе дух твой спать заляжет
в мещанской дури конуру:
«Набей свой мозг... Живот наполни...»
Ты – «человек»? Ну что ж, играй
в свои иллюзии... Но помни:
меня – ты *так* не называй!

«ПЯТОЕ УВЕЩЕВАНИЕ»

Проникнув сквозь препоны мира
в потусторонний жуткий мрак –
познаешь нечто, что закрыла
собой Земля, чтоб взгляд зевак

в тупом и праздном любопытстве
не нарушал извечный ход
бесцветных дней... От скуки выцвел
ковёр времён, круговорот
земных утех в кольцо свернулся
и спит беззубою змеёй...
Извечна блажь!.. И обернулся
Господень лик: *«Да грянет бой!*
Со скукой бой – День судный, гневный,
срывающий покров из грёз...
Внемли, Земля! Да не отъемлю
Я радость жизни!» ...Но вопрос
застыл на лице изначально:
«Ужель не признаёшь меня?
Я ведь твой бог!» ...Наряд венчальный
истлел в гнездовьях воронья,
глаза клевавшего Невесте
в небесном браке с Праотцом...
Невеста порчена!.. (*В том месте,*
где дышит лоно!) ...И лицом

обращена она к *Иному*,
что был неведом и богам...
Подобно молнии и грому,
что запредельны Небесам –
вздвигался над предвечной тьмою...
И, скорбной бездной не объят,
познал «*вселенско-внемирское*»:
вне духа, вне координат –
любых, каких бы то ни стало!
Но в Запределье вознесён –
стреножил мир, (на *птичью стаю*
набросил *сеть!*) ...Поправ Закон,
в тень отошёл... Но – в «*тьнь иную*»:
в незримой мгле Небытия...
Глядится в толщу вековую –
лишь суета и толчея
в пространстве грёз... И боги – стары:
в тщедушной скуке точат Меч,

лаская Крест... Овец отары
лелеет «пастырь», что и сечь
предпочитает паству словом,
и гладить – словом... Им же – стричь...

Привыкли все к своим оковам:
Овца – к Кресту... Бросает клич
пастух тот в направленьи неба:
«Податель благ, подай поесть!»
Летит с небес горбушка хлеба –
сухарь и тлен: *«благая весть»...*

Но сеть незримая над всеми,
что сплёл Он до Начала дней –
как тайный пульс: *иное время*
вершит свой ход... И всё быстрее

сжимается *Спираль иная*
вокруг Земли – в тугой клубок
шипящих гадин... И не знает
«господь», что будет *дан урок*
ему из Бездны запредельной –

лежащей за чертой *Ничто...*

И в долгий век, и в миг отдельный

вдруг вклинится «*совсем не то*»,

что мог «творец» помыслить даже

в скупом «всеведеньи» своём!

Что непонятно, то – всё «вражье»!

Ведь так – спокойней!.. Но дождём,

ревушим в жуткой чёрной бездне –

прольётся Хаос в хрупкий мир,

«*что зиждет словом бог*»... Исчезни,

замолкни, визг эдемских лир!..

Изыди, дым наивной веры

в себя *погрязшего* «творца»!

«*Есть то, что есмь я*» – лишь химера

в кошмаре Страшного конца,

что хищным зверем настигает

иллюзии пустой мечты

о «рае божьем»... Размывает

границы все, и все черты

та *сеть*, что «как бы нереальна» –

но аспидом вонзилась в ткань
и в плоть земную... Зазеркально

Инотворение – как грань
в краеугольном Жизни камне...

Грань, что не найдена никем!
Но где она? И здесь ли, там ли?

Небытия табу-тотем?..
Оставь надежду, бедный Фауст!
Твой «к богу путь» – грёз толчея!

Ведь я – и то уж не пытаюсь
проникнуть в Тайны бытия
и возвестить хоть малый смысл
блужданиям в Предвечной тьме...

В потоке мыслей, слов и чисел –
утонешь в праздной кутерьме
погони за «предназначением
вселенским»: жизни и судьбы...

В молитве видишь «смысл», в Прощеньи?

В разврате, в похоти гульбы?

Для Бога – всё одно! Поверь мне...

Он так устал за прорву лет!!!

...Сам для Себя Он стал, наверно,

фантомом «суеты сует»!

«ВОЛЬНОДУМСТВО ФАУСТА»

Плач поникших людей

устремился к концу

этой жуткой чудовищной эры

Нет надежд! Всё быстрее

крест подносят к лицу

растворяя себя в блеске веры

Этот блеск – лишь мираж

только тень от Огня

снов забытых пустое круженье

и небесный кураж

отравляет меня

загасив вольной мысли движенье
...Как молитва в ночи
хриплый, яростный стон
рассекает Престол мироздания
Но с небес: «Замолчи!» –
как приказ, как Закон,
задувает Светильник познания...
«Замолчи!» – словно меч,
словно боль от хлыста
мне пронзает и сердце, и разум...
И стремятся рассечь
острым жалом *креста*
мысль, не ставшую сказанной фразой!

«ГНЕВНЫЙ ГЛАГОЛ МЕФИСТОФЕЛЯ»

Лишь тусклый луч скупого солнца
скользнёт унылым бликом вниз,
где мать-земля своих «питомцев»

сгноила в скуке. И каприз
престранный тот её понятен:
«Раз дух молчит – пусть плоть поспит...»

И голос ангелов невнятен
над Колыбелью той... Храпит
во сне злой отпрыск мироздания:
«се – человек?!» Да нет, едва ль...
Раб тусклой мглы, изгой познания,
безудержный глупец и враль -
вознёсся в небо горделиво
(в своих мечтах, бесплодных снах)

и... озирается сонливо,
предчувствуя животный страх,
что зарождается в утробе
при мысли о величьи звёзд...
В циклично-истеричной злобе
всё гонит прочь простой вопрос:
*«Себя зову – Венец Творенья,
но так ли это, или нет?..»*

Огрызок *света*, вдохновенья...

Осколок *тьмы*... Горит ответ
в глубинах яркой звёздной ночи:
«Песчинка ты... Лишь прах и тлен!»

Но слушать ничего не хочет
«божественный олигофрен»,
что возомнил себя причиной
и следствием вселенских бурь...

Под прахом тела, под личиной
«псевдодуши» — лишь смрад и дурь!

...Но как же нестерпимо много
терпел Творец такую спесь!

Родятся «испражненья бога»
в земной юдоли... Эта смесь

из оскоплённо-злого духа,
и обесчещенной Земли —

застонет вдруг в реторте глухо,
забродит, вспенится... (И жгли

глаза планеты испаренья,
что «жуткий синтез» исторгал)...

Но – «на круги своя!» – стремленья
Творца бесплодны!.. Вновь солгал
Предвестник бездны – дух безликий,
что объявил *«иную власть»!*

...Лишь стон, лишь храп, глухие крики
в кошмарном сне... И где та связь,
что, мол, «связует воедино»
материю и вольный дух?

Ты *тоже* спишь, наш Бог единый?
Иль, может быть - ты слеп и глух?

...Лишь свет от мёртвого светила
пронзал гниющий в прахе дух...
В агонии Земля молила:
«Внемли, Господь!» ...Но свет потух –
и нет огней вселенской сцены...

И в зале - мрак и тишина...
«Конец времён» – провал премьеры...

Разгром... Безумье... Пустота...
И ни-ко-го!.. И вновь над бездной
бесхозный дух вершит полёт...
– *«Да будет свет...»*
– *«Привет, любезный!*
Опять по новой?! Не пройдем!!!»

«ШУТКА МЕФИСТОФЕЛЯ»

И было утро, был и вечер:
«День первый» – триумф бытия!..
Горели жалостливо свечи
у алтаря небес... Земля
болталась в бездне сиротливо:
безводна, скорбна и пуста...
И стих читался горделиво
из-за горящего куста...
Но не был стих никем замечен,
аплодисментов «не сорвал» –
и чтоб сей слог остался вечен,

Творец людей тотчас создал.
И было утро, был и вечер...
Сказал Он: «Это хорошо!»
И слушали святые речи
те люди, к коим Бог пришёл...
И куст горел, им грея ноги –
их было двое: он, она...
Творец читал им басню... Боги!
Так в чём же была их вина?
Не восхитились формой слога?
Наверно – был им стих не мил...
Творец прогнал их от порога...
Они ушли... А куст дымил!
...И снова утро, снова вечер...
Опять горящий куст... Слова...
Творец! Зачем надел на плечи
Ты этот куст? Тебе хвала –
хвала, конечно, Наш Создатель...
Талант святой – всех победит!
Ты сам – поэт, и сам – читатель...
Но только... *Очень куст дымит!*

«ПРОКЛЯТИЕ МЕФИСТОФЕЛЯ»

Мир спит, в кольце химер свернувшись:

в плаценте снов, пустых идей...

Клинок же, пуповину рвущий,

наточен остро: всё быстрее

стремится он ко чреву Геи,

что носит скорбно *чуждый* плод –

он ей *неведом*... Только злее

и жёстче взгляд из года в год

с Небес глядит в земную прорву,

где, отвергая духа власть –

плод жизни был возвращён и сорван...

...и съеден!.. Как же не отпасть

он мог бы с Ветки мироздания,

когда лишь вольнодумство душ

даёт вселенной – шанс дерзания,

иных высот победный туш?..

Мир, в коконе надёжном – страшен!..

То – панцирь злобного Отца,

что «собирает, где не пашет»,

и ввысь возносит подлеца,

играющего гордо с «верой»,

«ничтожных» души смяв в комок...

И стынет Жизнь – убого серой,

запутавшейся в сеть-клубок,

что свил в гнезде *паук кровавый*,

направив паутину лжи

на мир земной... Кто нам оставил

лишь сумрак вместо душ? Скажи,

ответь, Владыка – Царь вселенной:

из ревности ли ты содрал

«семь душ» с той оболочки бренной,

что «как бы духом воссоздал»?

Теперь – всё фарс! Твои «писанья» –

мир превращает в анекдот...

Лишь лицемерные стенанья –
из года в год, из года в год...
Из века – в век!.. Едва ли нужно
всё повторять десятки раз!..
Из жизни в смерть плывут натужно
осколки душ – «святая грязь»...
Лишь прах и тлен! Дождём небесным
размоет *грязь* – в болотный ил...
«Болото» – тоже интересно...
Но разве **это** ты творил?
И для того летал над Тьмою
твой дух с желаньем проявить
хоть что-нибудь – между собою
и мраком?.. Это ль возлюбить
так возмечтал в порыве страсти,
когда воссоздал из себя
тот мир, что наречён «прекрасным» –
внутри Предвечного огня,
что *не объяла* даже Бездна,
под гнётом духа твоего...
Но... Ты – *один* под Небом Звёздным!
Того ли ждал? Хотел *того?*

Мир спит, в твоих лишь Снах реальный –

мираж, химера, злой фантом:

голодный и рациональный

всосался в кровь твою клопом

и дух сосёт, что в грязь вминаем

от похоти пустых молитв...

«*О, даждь нам Хлеб!*» – желвак играет

на сытой роже, и горит

в зрачках огонь, но не духовный:

лишь алчный зов «тепла и благ»...

И твой пророк, старик безмолвный,

бредёт сквозь мир под лай собак!

...Собаки – кость грызут беспечно

и не желают знать забот...

Твоё *проклятье*, боже – вечно:

из года в год, из года в год...

«ВЗЫВАНИЯ ФАУСТА»

*«...не видел того глаз, не слышало ухо,
и не приходило
на сердце человеку, что приготовил Бог
любящим Его...»*

Унылый инок *инознаний*
в Монастыре, где духа нет –
но нет забот и нет страданий,
а есть лишь иллюзорный свет
от мишуры унылых будней,
размытых тягостной тоской
по неземному новолунью,
что страстно тянет за собой
в безликий сумрак вечной ночи,
в сияньи *многих тысяч лун...*
Но снова *возвращенье* прочит
узор туманный древних рун,
начертанный на мирозданьи...
Рождённый запредельной тьмой,
сияешь в царственном изгнаньи,
скорбишь в тиши – и голос Твой,

был не проявлен от Начала,
от рождества светил, планет...
Земля смиренно величала
Тебя «Великий князь»... Но нет!
Не стал бездумно наслаждаться
той властью, что была Тебе
ниспослана, чтобы остаться
навек в Эдеме... Ведь *во тьме*
прочувствовал Дыханье бездны
и зов Предвечного огня!
Отринул «свет» Ты бесполезный,
что льётся похотью маня...
И вот, Познанием влекомый –
стремишься к сердцу *пустоты*;
инобытийностью ведомый –
пронзаешь мрак... И только Ты
способен горделивым Духом
низвергнуть суетность души,
стать тайным *зрением и слухом*,

творить Огонь в ночной тиши,
(что недоступен даже взору
«творца небес» и тех, кто с ним),
и молча вторить разговору
пространства с временем... Лишь дым
того *огня*, что зрим Тобою,
доходит до других существ;
что чувствуешь костром – золою
мы видим... Тайны всех веществ,
их трансмутации и свойства
в Своих скрижалях Ты хранишь...
Вмиг наполняешь дух героизмом,
и в сердце страх не утаишь,
когда Твой взор осветит душу
Огнём познания... Ты есть *звук*,
что только тот в себе услышит,
кто освящён касаньем рук
Твоих, кто был *во тьме* помазан
Познания Истины вином,

кто больше догмами не связан
и пред «творцом» не бьёт челом...
...О, Инок Тайной цитадели
в Монастыре земных утех!..
Хозяин глубины и мели,
низин, высот... Всего и всех!
Ты тусклый рай навек отринул
и, наслаждения презрев,
главу над миром гордо вскинул –
и с корнем рвёшь чужой посев,
(что насадил в тщедушном рвении
создатель догм, рабов и слуг;
прельстивший суетным «спасеньем»
формально набранных «заслуг»!)
...Тебе – нельзя «отдать задатку»
и невозможно угодить...
Не дашь Тебе молитвой взятку,
но *голод* тот – не утолить,
что разожжёшь Своею Властью
и жаждой неземной мечты...
И, покорённый духа страстью,
шепчу: «Лишь Ты... Лишь только Ты!»

«ДОРОЖНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ
МЕФИСТОФЕЛЯ»

Сгорбленный старик
на пустынной дороге
под палящим зноем
бредёт, спотыкаясь –
иссушённый лик,
в кровь избиты ноги,
и исходит гноем
тело, распадаясь...

*В глубине небес –
не найти Творца!*

*И теряет суть
жизни круговерть...*

Ни души окрест...

Долго ль до конца?

*Чем вот так тянуть –
лучше сразу смерть!
Прокажённный дух,
смертоносный свет,
из-под кожи гной –
словно стон Земли...
Но Всевышний глух:
«суета сует!..»
Проклятый изгой
крикнул: «Бог, внемли!»*

*Принял смерть старик
в придорожной яме:
Горней Благодати,
видно, не досталось...
Ведь услышав крик,
Бог ответил прямо:
«Что тут всем давать им?
Самому-то мало!..»*

«ВСТРЕЧА С ПРИВИДЕНИЕМ»

(Недоумение празднующегося духа

Досточтимого кюре)

Закрыта Дверь... И я бессилен
теперь что-либо изменить...
Хотя замок чуть-чуть надпилен,
но всё ж придётся уходить –
туда, где плач, зубовный скрежет,
где inferнальный полумрак,
где меньше благ и милость реже
встречается... Ну как же так?!
Я полз полжизни к двери рая,
зубами стискивая боль:
отринув грех – всё отвергая,
что «не одобрено»... И роль
«первосвятого-первозванца»
мне подходила в самый раз...
И вот – в одежде оборванца
сiju один у Врат сейчас...
Откройте рай! Ведь я достоин!

Так аккуратно выполнял
все наставления... Я – воин
«сил света» с тьмой! Всему ведь внял,
что прочитал в заветном томе!
Я культивировал добро:
не тискал баб в «весёлом доме»,
презрел я злато, серебро;
молитв хомут тащил на шее,
не кушал мясо, свечи жёг!
Я чище стал и стал добрее,
усвоив всеблагой урок –
о, Господи!.. Всё, что хотел Ты –
я так исправно выполнял!
Тебе платил всю жизнь я ренту –
пожертвования давал...
Ты ж Дверь закрыл, как перед вором...
Ну, знать – Ты напросился сам!
Так я вернусь! И очень скоро...
Всё разнесу! Ко всем чертям!

«ЛИТАНИЯ МЕФИСТОФЕЛЯ»

Шероховатостью касанья,
едва заметным взглядом вбок
ты вдруг отыщешь Дверь познания –
в стене, с которой Скорбный бог
пустых глазниц пролил источник
на мир таинственных дорог...
«Всё – суета...» Затем построчно:
«А суета сует – есть бог...»
И в меркантильном фарисействе
тщедушный раб рождает гнев
в устах Творца... И в блудодействе
мир обратился в грязный хлев,
где только жалкие стенанья
слышны: *«Господь, тебя люблю...»*
И жалкий раб, чураясь Знанья,
спешит «счастливить» жизнь свою...
Лишь сумрак лжи... Лишь «наслажденье»
одно – мерило всех вещей...

«Наш бог всеблаг!» – идёт «прозрень»
слепцу, что гонит дух взашей...
Да и рабу ведь много ль надо?
Раз «бог даст блажь...», и «бог – внутри...»,
он упивается обрядом,
держа свой разум взаперти...
Вот и волочится к кончине
тот «свет», что к жизни Тьму воззвал...
«Святой» ханжа, в благой личине,
всё метил в рай... Но он не знал,
что лицемерною молитвой
лишь умертвил в себе Творца...
Людская блажь – повергнет в битве
овал иконного лица...
Уйти? Спасти? Вокруг лишь стены
неизреченных миром тайн...
И можно ль выйти за пределы
мирской ограды? Не пытай
Творца небес немым укором:

*«Как мне покинуть хлев Свиней?» –
ведь те вопьются алчной сворой
в твой дерзкий бунт, стремясь быстрее
втоптать его в навоз привычный,
(ведь «с глаз долой – из сердца вон!»)
К чему Познать?.. Безразлично
слепец бубнит свиной закон,
мол: «бог – любовь... Лобзайте друга!..
А также ближних – как себя...
В корыте завизжим с натугой:
«жизнь – удалась!» ...И отрубя
нам бог пошлёт на день насущный –
занежим брюхо: бог ведь благ!
И свиноматок визг тщедушный –
заменит в жизни всё! Но враг
стремится к миске подобраться,
помои наши отобрать...
Так в бой за веру, надо драться –
чтоб не посмел никто сказать*

*про нас «изнеженные свиньи»:
за свой уют – мы все горой!..»*

Отец небес! Прошу – подкинь им
ещё помоев... Мне ж – открой
ту Дверь в иное *измеренье*,
и в дерзновенный мир *иной*,
где правит в скорбном отреченьи
Твой дух, отринувший покой...

...Шероховатостью касанья,
едва заметным взглядом вниз,
увидишь жизни угасанье –
и гневный бог из-за кулис
Театра лицемерных мумий,
(что после смерти ждёт Свиней),
взовёт к тебе: – *«Ну что ж, подумай:
готов ли в Бездну, в мир теней?
Готов отбросить блажь покоя,
«гармонию» счастливых рыл?»*
– *«Избавь, Господь, от «счастья» гноя,*

*что выел душу... Мне открыл
Ты Тайну тайн: томленья Духа
по Миру сумеречных снов...
Пусть Свиньям – небо будет пухом...
А мне дай – Бездну... Без оков!...»*

«ДВА ПОТОКА»

(«Алхимический Брак» по Мефистофелю)

*«...ибо мудрость мира сего есть
безумие пред Богом...»*

Святая кровь... Она стекала
из рук невинных на Кресте...
Она текла – и всё сметала,
что тщетно пряталось во мгле...
Сметала ложь вселенской фальши
в пустых молитвах фарисейских,
текла за горизонт – и дальше:
смывая страх сердец плебейских,
счищая грязь из душ убогих

Величьем жизни наполняя...

«А я вам говорю – вы Боги!..» –

слова, как Солнце, засияли...

Вагины кровь... Она стекала

в расчётный срок, как полагалось...

Она текла – и улыбалась

тому, про что она лишь знала...

В земли просачивалась поры

та кровь – из той, что *не рожала*...

И пенились снегами горы,

смятенье недр выражая...

Разочарованная бездна,

неутолённая громада –

не получившая любезность

от семени Творца... Ей надо

принять в себя и Крест, и Силу,

и дать рождение – *неживому*...

И плод извергнуть, вверив миру -

Земле, единственному дому...

Но два потока наложились:
Голгофы кровь... и кровь вагины...
И, словно змеи – *вместе* свились
и навалились нам на спины...
Теперь – несём... Куда деваться?
Ведь кровь – от Крови, Дух – от духа...
Они, быть может, разродятся...
Но только – *где же повитуха?*

«ПРОРОЧЕСТВО МЕФИСТОФЕЛЯ»

*«...не обратил ли Бог мудрость мира сего
в безумие?»*

В трясине круговерти стылой,
химеры в клочья распоров,
по масти карты разложили,
навесив тягостный покров
на все движенья плоти жаркой
и на стремления ума...
В себе ль творца мне стало жалко,
тропа Познания ль завела

в запретный край, где и поныне
суровый Цербер в хищной тьме
клыками рвёт сердца – (в унынии
глядя на отсвет звёзд на дне
Священной бездны мироздания –
где лишь вселенский эпилог
всем подведёт *черту познания*
под словом «жизнь») ...И мрачный бог
уныло взглянет вниз, на Землю,
и с перекошенным лицом
услышит вдруг: *«Владыко, внемлю*
твоим заветам, но при том
я исполнять их не желаю
и возвещу я свой Завет!..»
...В Инферно факелы пылают,
сжигая вереницы лет,
что отделяют Сотворенье –
от Преисподней и *конца...*
Да грянет *Новое знаменье!*

И не подымет бог лица,
взглянуть в глаза чтоб Человеку,
которого обрѣк *на смерть...*
«Грехопаденье...» – так от века
всѣ тычет рок... И стала твердь
земная – словно шар кровавый,
с которого стекает боль,
вливаясь в Вечность... Боже правый!
Зачем же уготовил роль
слепых котят – комочков жизни,
«не ведающих, что творят?...»
Ведь на безликой Смерти тризне
своих утопишь ты «котят»
в пучине запредельных странствий –
что злобно алчет души всех...
...А *Свет* – есть тьма в Святом убранстве,
и *Тьма* – есть свет, познавший Грех...

Услышь, «господь», узри очами
ты *свой позор* в небесной мгле!

Прельщаешь сладкими речами,
но ведь не веришь сам себе –
когда зовёшь в иллюзий замок,
что был воздвигнут на песке...
И как смертельная отравка
«завет» висит на волоске –
как меч дамоклов над Землёю,
грозит разрушить хрупкий мост:
меж грозным раем, что *тобою*
был проклят в небе хищных звёзд,
и жалким адом «грешной доли»,
благословлённого тобой
в земной юдоли... В жалкой роли
слепые ангелы толпой
таращатся на «кладезь скверны»,
лелея в чреве куцый страх
пред *Человеком*... Боже верный!
Твой Замысел живёт в веках,
и там же – «в гробе почивает»,

не в силах Землю изменить
хотя б на миг... И знать не знает
«вселенский царь», что сотворить
не в силах он иное в жизни,
чем то, что та *нашла сама...*

В недоумённой укоризне
бросает гневные слова,
как лживый яд – в земную жажду
и в жар пульсирующих вен,
не зная, что грядёт «*однажды...*»,
и «бог» – да будет посрамлен
венчанием на Царство: новой
и неизведанной *Зари*
Сокрытого Закона Слова...

«*Вместишь? Вмести!!!*» А нет – замри
и растворишься в фальшивых бликах
«священной» кривды мишуры...

Чтоб мир прозрел в надрывных криках:
«*О, бог! Умри во мне, умри!...*»

«ИССТУПЛЕНИЕ МЕФИСТОФЕЛЯ»

*«...ибо в Моисеевом законе написано:
не заграждай рта у вола молотящего.
О волах ли печётся Бог?»*

Ты проповедовал безбрачье,
внимал народ твоим словам —
а я сидел в дерьме собачьем
и уши прочищал ослам...
Ты обещал Эдема кущи,
в руках Заветы теребя,
а я дерьмо взбивал погуще
и им обмазывал себя.
Твои слова звучали гордо —
всё к покаянью призывал...
А я мурыжил два аккорда
на старой лютне и мычал:
про ад, про мир, про «род лукавый»...
Ты это тоже говорил,
и так себе казался правым:
раз веру в чудо подарил
в грехе погрязшим человекам,

(которых я б назвал – «скотом!»)

Ты раны исцелял калекам,

а я по ранам бил кнутом.

Да, я карал... Причём – бездумно,

не разбираясь, не скупясь...

Ты зёрна отбирал на гумно,

а я – их втоптывал все в грязь...

Ты – вознесён, но дал Писанье,

что может мир преобразить...

Я – стал гробовщиком... Специально,

чтобы Овец в Эдем возить...

Ты можешь стричь их, можешь кушать,

расставить можешь по углам...

Жаль, что мертвы они... Ты слышишь?

Да Ты, я вижу, мёртвый сам...

Ну ладно, так и быть – я сжалюсь,

спасу «сей мир» в последний раз:

приглажу нимб свой, чуть оскалюсь,

начну гнусавить *твой* рассказ

про райский мир, где всем привольно –

просторно, мягко и тепло...

И Овцы станут всем довольны,

а Волки – сыты... Отчего

внимают жадно этим бредням,

молясь на жалкий свой покой?

Но... мне начнут служить обедни,

вконец попутав нас с Тобой!

Мне всё равно – пускай резвятся,

пусть «верой» назовут свой сон...

Ведь *все они* – в *МОЙ* гроб ложатся

на Вечный мрак... Таков Закон!

«СВЯТОТАТСТВО МЕФИСТОФЕЛЯ»

Пристанище сирых богов, что убого

клянутся «за всё отомстить непокорным»,

людишки в канаве сидят у дороги,

прижавшись «во страхе» к иконам тлетворным...

И ангелов сброд, бомжевато-пернатых,

фальшивые ноты хвалебные тянут,
и за уши держат святых бесноватых,
плюющихся в сторону грешников рьяно...

А что же есть грех – как не серые будни,
размеренно-кислый мыслительный шорох,
пустые молитвы – (к себе?!) – пополудни,
а ночью – обыденных снов куцый ворох...

Кошмары застоя – проклятие рая:
пустые страницы нечитаной книги,
унылые песни – и скука без края...

Маразм запустенья в Божественной лиге!
«Творец» – восседает в надутом величьи,
тоскою наполненным до основанья...

Архангелы (страусы в странном обличьи!)
всё хлопают крыльями – всем в назиданье...

И что же есть грех – как не зависть и злоба
на Жизни огонь, страсть исканий, сомнений,
на взрывы сердец?.. И понять это чтобы,
упасть нужно в Бездну Земных Испытаний!

«ВСЕНОЩНЫЕ БДЕНИЯ ФАУСТА»

Дождь ночной неспешно прячет
в складках тьмы свой робкий голос,
и, неслышный всем, он плачет
трепеща, как тонкий волос
Капли слёз его усталых
водопадом небо сыплет –
луч заката запоздалый
тот поток уже не вытрет
Плачет Дождь, а я внимаю
невесомой, лёгкой речи,
что так ясно понимаю –
шепчет он по-человечьи
Стонет Дождь сквозь мрак глубокий,
бисером стуча по лужам,
что устал он одиноко
всхлипами вонзаться в стужу;
что вольготнее стократно

днём, на солнечной опушке,
зазвенеть по листьям мятным
и омыть дерев верхушки

Но судьба его такая:
он — раб Ночи безмятежной,
и во всём ей потакая,
грустью полнится безбрежной

Ночь укутает всё тенью,
наслаждаясь властью вволю!

Ну, а Дождь ночной осенний
обречён на злую долю:

Ветру тихо подпевает —
тот гудит печально в трубы,
злобно листья обрывает
и бросает в лужи грубо

Так вот вместе и горюют:
Ветер воет, Дождь — всё плачет

Ну, а Ночь кругом ликует,
на конях межзвёздных скачет!

Но ведь мрак кругом не вечен!

Сонно вежды отверзая,
занялась Заря беспечно,
в первых всполохах играя
И вот Ночи оставалось
царствовать совсем немного,
с нею Дождь, мне показалось,
собираться стал в дорогу
Прошептал он на прощанье,
вмиг развеяв сны и грёзы,
попросил: «Дай обещанье
в тайне сохранить те слёзы...»

«ПЕСНЬ ОТШЕЛЬНИКА»

*«...разуметь притчу и замысловатую речь,
слова мудрецов и загадки их...»*

Белый филин лугов, почерневших от ночи,
вдаль стремится – туда, где зарёю зажглись
кромки звёзд, и где пена морская клокочет

в нежный берег уткнувшись... Рассвет, отзовись
на томящийся в неге призыв страстный мрака,
что скрывает себя в недрах мёртвых полей,
и что жаждет мистерии Звёздного брака
между Светом и Тьмой... Так налей, Водолей,
из ковша звёздных бурь нам напиток бессмертья
и отметим сейчас это таинство звёзд!
День и Ночь – вечный фарс!..
И в земной круговерти
будут вместе всегда, как Пилат и Христос...

«ТОСКА ФАУСТА»

Крыло перебитое птицы
плохой амулет на шее;
Полёта большого боится
тот, кто и ходить не умеет...
Как якорь в пучине глубокой,
что оторвался от судна;
как высохший куст одинокий,
спалённый в пустыне безлюдной,

так я — оторвавшись от чуда,
что раньше считал *любовью*
брожу, как пред смертью Иуда,
взирая на мир исподлобья...
Как старый череп змеиный,
гниющий на дне болота;
как тонкий пух тополиный,
упавший в похмельную рвоту;
так я — потерявший *веру*,
отринувший бога убогих:
как нищий — боюсь холеры,
хоть сгнили в прокаже ноги...
Звезда, соскользнувшая с неба,
что ночью никто не заметил;
как с плесенью корка хлеба
и пепел, вплетённый в ветер;
так я — позабывший *надежду*,
и в сказки уже не играя,
живу, как живут все невежды:

уныло себя проедая...
И встречу ли миг избавленья –
тот, что к Осознанию толкает?
Шепчу страстно ночью моления,
дыханьем во тьму проникая...
Но там – только свет запредельный,
лишь Бездна зовёт, обжигаясь;
и жизнь, и мечта – там отдельно,
друг с другом вовек не встречаясь...
И стоя у края обрыва,
со всем мирозданьем прощаюсь...
Восславить хочу миг отрыва!
...Паденье... Лечу... Растворяюсь...

«ПЕСНЬ АНГЕЛОВ С РОЗАМИ»

Узник алчности тщеславной,
что сковала жизнь цепочкой
из нелепой злости... Главный
смысл отыщешь – *между* строчек,

между стенами темницы,
что построена гордыней...
Как без глаз и крыльев птица
ты в тюрьме духовной ныне!
...Узник «самости» – невежда,
раб нелепых предрассудков!
Ты предал души *надежду*,
и вокруг – лишь визг на дудках,
вместо сладостных мелодий,
что всем *вера* возвещала...
Ты закован в склепе, вроде
гроба тесного... Вмещала
всё в себя дорога–к–свету,
но в сомненьях – всё отринул:
в алчности, что духу претит,
сам себя навек покинул...
И теперь ты – *смерти* пленник,
и не в силах больше видеть
Свет любви небес нетленный:

сможешь только ненавидеть...
Цепи сбрось с больного сердца,
позабудь про несвободу,
и, плескаясь в буйстве солнца,
пей *любви* живую воду!

«ПОКАЯННАЯ МОЛИТВА ФАУСТА»

*«...нет праведного ни одного;
...никто не ищет Бога; все совратились с пути,
до одного негодны...»*

Прости, Господь, мои сомненья –
через это Ты прошёл и сам,
когда в терзаниях и в молениях
свой взор направил к Небесам
в пустыне дикой... Словно стрелы
с небес ловил Ты те слова:
*«Скорби за мир – его пределы
постигнешь в скорби... Никогда
не выйдет мир из жалких рамок
безликих снов и суеты...
Ты на песке построил замок,*

*разрушь его! Ведь только Ты,
Избранник Божий, Царь Вселенной,
поможешь людям осознать
всю лживость форм их жизни тленной
и по заслугам всем воздать...»*

Господь! Ты выдержал страдания,

Ты сорок дней словам внимал

Небесного Отца Познания,

и род людской не покарал

за их невежество и злобу,

а возвестил Писаний свет!

Взываю скорбно к Небу – чтобы

смирненно выслушать ответ...

Прости, Господь, мой скорбный поиск

в безликих недрах Вечной тьмы!

Из рифм и грёз кровавый пояс,

чем душу затаянул... Плетьюми

гордыни, злого суесловья

всё дух свой яростно стегал...

Птенец я, выпавший с гнездовья!

...Когда б Ты знал...

...Когда б Ты знал...

Прости, Господь, мои сомненья!

Мою хулу, мой злобный слог...

И дай покой и утешенье!

...Когда б Ты мог...

...Когда б Ты смог...

«ПРОЩАЛЬНАЯ РЕЧЬ МЕФИСТОФЕЛЯ»

*«...и когда семь громов проговорили голосами
своими, я хотел было писать; но услышал голос
с неба, говорящий мне: скрой, что говорили
семь громов, и не пиши сего»*

С небес летят потоки роз... Какая пошлость!..

Рой голопузых херувимов поет песню...

Я должен, видно, умиляться... Что за роскошь -
держат стада ленивцев праздных, чтобы лестью
заполонять весь грешный мир? Слепцом послушным

вымучивать стенанья, песнопенья...

Я слишком уж к Тебе равнодушен,
чтоб небо осквернять пустым молением...

Уволь, Господь! Моя Молитва – в стылом мраке
сквозь смрад огня стрелой несётся к поднебесью!
И с кровью вен, и с пеной рта – в смертельной драке
(с самим собою!) – обратится гневно в Песню,
что только Сам Творец во славу Духа сложит...
Я – Страхом Бога стану и Его Страданьем,
Его Мечом!.. И даже Фатум, рок – не сможет
лишить меня исканий и скитаний,
что сотворю я в глубинах гулких Мрака,
с предвечной несказанной духа жаждой –
открыть все тайны бытия, с проклятьем Знака,
что начертал мне на челе посланник вражий...

Тот Враг мой – хаос, что низводит все дерзанья
и расслабляющим «блаженством» души кормит...
Во Славу Господа, вздымая Светоч знания,
ищу во прахе я «товарищей по скорби»,
что понесут свой тяжкий крест «не пользы ради»,
а в путь стремясь, куда позвал Незримый вестник...

(Жаль, только люди всё хотят, как на параде:
чтоб не на спину Крест, а лишь на шею крестик!)

Увы!.. Наивные, невинные ребятки!..

Бросают розы и ликуют в упоении...

Но всё, что делают – с испугом, всё – с оглядкой:
обделены (из Милости Всевышней!) разумьем...

И сколько помню,

(то есть – сколько Вечность длится...)

алкают рая, неизвестности – боятся!

Но не могу на них я даже разозлиться:

они – мертвы! Для них ли мне стараться?

Ну, ладно... Надо подыграть – пусть порезвятся!

И сделать вид, что, мол – «меня перехитрили»...

Пусть упиваются собою, пусть гордятся –

«с чего всё началось» они ж забыли:

и потянулось то крылатое отребье

к подхалимажу и дешёвому фиглярству!..

...Но я же – сам себе избрал сей тяжкий жребий:

блуждать в Неведомом,

в надмирно-скорбном Царстве!

... А ты, искавший Знания и Страсти,
мой «гордый» Фауст, что-то больно ты раскис весь!
В комочек сжался – ждёшь грядущие напасти?!
Да сердце страхом жжёт *кровавая расписка*,
что приоткрыла путь к Таинственным глубинам,
к скитаньям вечным в предвкушении ответов...
Но... меркантильная людская половина
в тебе блудливо отвергает Жажду Света!

Финал!!! Путь – кончен! Ничего не обещаю –
разъест «блаженство», всё забудешь в полчаса...
Всё, что мне должен – снисходительно прощаю!
...Ты, Фауст – *слаб!*..   Ступай на Небеса!

«ПОСЛЕСЛОВИЕ»

(Перечитывая бессмертную поэму Гёте)

Ненастный полдень... Дождик мелкий
спадая с неба – душу мутит:
природа с нами снова шутит...
А в колесе уснула белка,
и плавают надменно рыбки
в аквариуме новомодном,
и воет пёс в углу холодном...
И очертанья мира зыбки!..

Всё растворилось в тихой дрёме:
размякло сонное пространство
в движеньях призрачного танца,
в изгибах тягостной истомы...
Душа сочилась через тело,
перетекая в кислый морок
безликой тьмы... И мыслей ворох
дорогу в сон искал несмело...

А дождь всё шёл, заливая реальность
потоком капель запредельных,
что размывали миг отдельный
на ноты – вкрапленных в тональность
беззвучных сфер, где всё едино,
где всё бесплодно, безысходно...
Где только гулкий мрак холодный
объемлет тело, душу вынув...

И книга, что читал ночами
мерцает ровным тихим светом –
трепещет яростно листьями,
сулит Прозрения, ответы
на вопрошаемое сердцем...
Великий Гёте! Ты услышал
небес пронзительное скерцо –
и вынес в мир! И Бог к нам вышел!

И, растворяясь в дивных станцах
твоей чарующей поэмы,
я замираю – словно в танце
оборван ритм! И звуки – немы...
Оцепененье... Время встало...
Всё заполняет ступор, кома...
Размыты очертанья дома -
материя хранить устала
свои пустые очертанья
привычных стен, окон, подвалов -
и, разозлившись, разбросала
все атомы по мирозданию...

И нет меня – лишь слепок малый
с того, что называлось «духом» -
ни зрением, умом, ни слухом
не уловить мне в нём провалы,
что были созданы забвеньем,
небытия жестокой меркой...

Раздроблен дух – на сотни мелких
частичек, тлеющих мгновеньем...

И всё – фантом лишь лицемерный?
«Душа» – полночный блик туманный?
И зов небес обетованных –
самообман лишь эфемерный?
Мой мир – иллюзии нагие?
А жизнь – пустой фрагмент без цели:
лишь круг вселенской карусели,
и... вылезай – теперь другие!

...Но вмиг всё в фокусе собралось –
и снова я в привычном теле...
Но «я» ли это, в самом деле,
что от «меня» сейчас осталось?

Ах, да – мой пёс, что воет вечно,
и рыбки, что молчат и в смерти...
И белка – в праздной круговерти
бежит по колесу беспечно...

И всё!.. А «дух»? Ну да куда там!
Пустой мираж, фантом унылый...
И ритм жизни суетливой
ведёт лишь к боли и утратам
своей души... Лишь дождь по крыше
стучит, дневную зыбь смывая...
Грядёт ли Благодать иная?
«Внемли, мой Бог!!!» ... Увы – не слышит...

Стихотворный постскриптум

На грани Брейгеля и Босха,
в час между волком и собакой
явился я – Посланник мрака,
на чёрном – Чёрная полоска...

Увы, людское воспрятье
с трудом определяет цвет:
мучительно ища ответ –
что взять с меня... и что отдать мне

Но я – лишь Чёрное на чёрном,
лишь тень Великого Венца:
глашатай Судного конца -
как облегченья Обречённым!

(Виктор Красников)

**В данном издании выпущено
200 (двести)
нумерованных экземпляров**

Ваш экземпляр

№ _____

Силкан Дмитрий Викторович

ВСЕНОЩНЫЕ БДЕНИЯ ФАУСТА
Апокрифический список поэмы

Книга выходит в авторской редакции

Русский Гулливер
НП Центр Современной Литературы
119999, г. Москва, ул. Вавилова, 38
<http://gulliverus.ru>
russgulliver.livejournal.com
e-mail: a_tavrov@mtu-net.ru
e-mail: nb-faust@list.ru

Подписано в печать 08.09.2010. Формат 140x200

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «Cherry Pie»

115114, г. Москва, 2-й Кожевнический пер., 12

Тираж 200 экз